

Русская Исторіографія.

Лекціи проф. Дм. Ив. Багалъя.

Часть вторая.

Разработка исторіи какъ науки.

§1. Разработка русской исторіи въ XVIII в.

Еще въ XVI и XVII в. мы можемъ указать на нѣкоторыя попытки прагматическаго изложенія событій Русской исторіи. Къ числу таковыхъ нужно отнести князя Курбскаго, Житіе и дѣятельность Іоанна Грознаго. Конечно эта попытка не можетъ быть названа русской исторіей въ собственномъ смысле слова. Но уже при Алексѣѣ Михайловичѣ въ Московскомъ приказѣ возникла мысль о написаніи русской исторіи и эта задача была поручена Дьяку Трибновцову. Трибновцовъ составилъ Русскую исторію для практическихъ цѣлей; Соловьевъ читалъ эту исторію и приводя въ неѣ выдержки; Это сплошной панегирикъ; здѣсь все отрицательныя стороны жизни совершенно игнорируются и потому трудъ этотъ нужно признать неудачнымъ. Гораздо выше нужно поставить другую попытку; Это извѣстный Симеонъ, приписываемый Инокентію Глинскому. Книга эта, явившаяся благодаря Кіевской образованности, вызвана была стремленіемъ Рус. Исторіогр. пр. Багалъя. Часть 2. Листъ 1.

южнорусскихъ членъ оглянувшись на свое прошлое и подвести ему итогъ. Южнорусскими происхождениемъ этой книги объясняются особенности ея содержания, которое почти целикомъ приурочено къ Киеву; но между прочимъ въ началѣ ея помѣщено разсужденіе о происхожденіи Славянъ, куда примыкаетъ полное собраніе басенъ и легендъ, повторявшихся нѣкогда позднѣйшими издателями. Вслѣдъ за тѣмъ авторъ приурочиваетъ свой разсказъ къ судьбамъ Киева и разсказъ этотъ ведется до Монгольскаго нашествія. Послѣ этого вкратцѣ сообщается о нѣкоторыхъ событіяхъ въ Московскомъ государствѣ и опять говорится о Киевѣ до XVII в. Въ послѣдующее время Синописъ дополнялся и мы имѣемъ до 30 печатныхъ его изданій, что свидѣтельствуетъ о громадной распространенности его и о томъ интересѣ, который онъ возбуждалъ. Слѣдуетъ упомянуть въ этомъ на-мѣткѣ значительное обиліе польскихъ изоглифовъ; въ этомъ отношеніи Синописъ подло-дится къ Густинской лѣтнѣ, которая яв-ляется его предшественникомъ. Какъ тамъ, такъ и здѣсь мы находимъ точныя ссылки на поль-скихъ авторовъ, изъ которыхъ нѣмъ были заимство-ваны разныя данныя. И такъ, въ двухъ сочине-ніяхъ XVII в. - Сѣверо-Московскомъ (Грибоядо-ва) и Южнорусскомъ (Сиделя) мы видимъ двѣ первыя попытки прагматической русской исторіи.

Къ царствованію Петра Великаго такъ же относится нѣсколько подобныхъ попытокъ. Петръ Великій былъ человекъ практической

жизни и литература при немъ отличалась практицизмомъ. Этотъ послѣдній отразился и на сочиненіяхъ по русской исторіи.

Петръ поручилъ написать Русскую исторію нѣмецкому Поликарпову. Былъ ли Поликарповъ подготовленъ къ этому труду, объ этомъ не судимъ; и не смотря на то, что въ распоряженіе Поликарпова было представлено богатый матеріалъ, все-таки написанное имъ оказалось крайне неудачнымъ. Въ виду этого рѣшили составить сводъ лѣтописей, но и этотъ трудъ былъ признанъ неудовлетворительнымъ. Гораздо выше нужно поставить другую книгу, которая, кажется, была посвящена Петру Великому; Это - "Ядро Россійской Исторіи", приписываемое Хилкову, но, какъ кажется, составленное секретаремъ его Манкиевымъ. Оба они и Хилковъ и Манкиевъ были въ плѣну у шведовъ и вотъ Манкиевъ, имѣя подъ руками Синописисъ, рѣшилъ дополнить его, главнымъ образомъ, порусскими лѣтописями. Такиимъ образомъ, и явилась новая книга, которая стояла несравненно выше прежнихъ попытокъ; вѣдь это польскихъ источниковъ здѣсь царятъ русскіе и притомъ достоверные. Со времени Петра Великаго, при его ближайшихъ преемникахъ, началась научная обработка русской исторіи въ двухъ историческихъ школахъ: 1) въ русской исторической школѣ и 2) въ школѣ нѣмцевъ, историковъ Академиковъ. Сдѣлаемъ сперва характеристику представителей русскаго историческаго направленія, а затѣмъ перейдемъ къ нѣмецкимъ.

§2. Представители русской исторической школы.

Библиография:

Поповъ. Маттишевъ и его время. М. 1861.

Бестужевъ-Рюминъ. Биографіи и характеристики
С. 1882.

Корсаковъ. Изъ жизни русскихъ дѣятелей XVIII в.
Казань 1891.

Поповъ. Ученые и литературные труды Матти-
шева 1886г.

Миллеръ. Главныя теченія исторической
мысли М. 1906г.

В. Н. Маттишевъ. На первомъ мѣстѣ среди рус-
скихъ историковъ XVIII в. нужно поставить зна-
менитого историка Петра Великаго, государствен-
наго дѣятеля царствованій Анны Ивановны и
Елизаветы Петровны В. Н. Маттишева. Въ наше
время его правильно оцѣнили и судятъ съ него тотъ
упрекъ, который тяготѣлъ надъ нимъ еще со вре-
мени Шлецера. Долгое время относились скепти-
чески къ его Россійской исторіи, считали его
самого сомнительнымъ источникомъ извѣстій. Но въ на-
стоящее время почти цѣлою рѣдко издѣлываній его
важное значеніе для русской исторіи вполне воз-
становлено. Правда, и теперь еще не вполне объяс-
нены тѣ извѣстія Россійской исторіи Маттише-
ва, которыхъ основаны на недошедшихъ до насъ
источникахъ, не смотря на то, что составились
уже цѣлая литература о научной дѣятельности
Маттишева (Соловьева, Лавровскаго — издѣл. о мѣст.
Акимовъ, Бестужева Рюмина и, наконецъ, Нила
Попова — Маттишевъ и его время). Эта литерату-
ра о Маттишеве увеличивается все новыми

материалами; такъ ко времени празднованія юбилея Платищева появился его знаменитый „разговоръ о пользе науки“.

Такая биографія Платищева представляетъ большой интересъ. Онъ является гениальнымъ образованнымъ и чрезвычайно дѣятельнымъ; его нельзя назвать специалистомъ въ одной какой-либо области; вполне справедливо сказано о Платищевѣ, что онъ былъ — университетомъ для своего времени; это былъ истинный титанъ Петра Великаго. Эпоха Петра Великаго требовала разнообразныхъ дѣятелей; а людей дѣятельныхъ, съ талантомъ было не особенно много; и вотъ Платищевъ былъ вѣдѣлецъ и горнымъ инженеромъ, и специалистомъ монетнаго дѣла, и устройщикомъ школъ. Онъ стоялъ во главѣ Башкирцевъ, а вслѣдъ затѣмъ пошелъ въ Камышную Экспедицію; — однимъ словомъ, большую часть своей жизни онъ провелъ въ административной дѣятельности. Но прежде, чѣмъ приступить ко всякимъ другимъ занятіямъ, онъ предпринялъ путешествіе за границу, гдѣ слушалъ курсы во многихъ университетскихъ городахъ и тамъ же изучилъ горное дѣло. Съ возвращеніемъ въ Россію Платищевъ былъ поставленъ на Уралѣ во главѣ горныхъ заводовъ, а затѣмъ ему было поручено и монетное дѣло; и здѣсь, какъ всюду, принявъ свои просвѣтителескіе идеи, титанъъ, Петровъ эпохи устраивалъ школы для рабочихъ. Не будемъ останавливаться на Башкирской и Камышной Экспедиціяхъ и только скажемъ два слова о нравственномъ облике Платищева; его много разъ осуждали и обвиняли во взяточничествѣ; это-то тѣмное пятно и требуетъ разъясне-

ний. Мы слышали разговор Платищева с Петром, в котором первый говорит: „посыл неправедных брать не сбудетъ, но благодарности поучать можно, особенно если судья произведетъ ищущий добра посылъ обода; если судья справедливордъ и употребитъ особенное усиліе, чтобы оправдать, то въ такихъ случаяхъ благодарности поучать можно.“ Давая возраженіе на подобный взглядъ, Петръ-Великій далъ отвѣтъ, что для худыхъ людей это очень опасно, такъ какъ они этихъ будутъ злоупотреблять. Очевидно, что Платищевъ не былъ совершенно чистъ и признавалъ возможность „поучать благодарности.“ Согласно такому главному недостатку Платищева и самая жизнь его исполнена была тревоженій. Посылъ всякой экспедиціи и службы ему нѣсколько разъ приходилось являться въ Петербургъ для оправданій. Подъ судомъ онъ прожилъ и послѣдніе годы своей жизни; за нѣсколько дней до смерти ему пришлось оправдываться.

Литературные труды Платищева были слѣдующіе: 1) „Духовная свѣтъ“, 2) разговоръ о пользѣ наукъ“, 3) Экономическіе замѣтки. Духовная предназначалась сколько для массы читателей, столько и для его собственнаго сына; въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ этотъ трудъ Платищева отличается довольно общими характеромъ. Его Экономическіе замѣтки рисуютъ взглядъ на экономическое положеніе крестьянъ и оны, такими образомъ, напоминаютъ намъ нѣсколько сочиненіе крестьянина Экономиста Писарева. Но на первомъ планѣ стоитъ его „Разговоръ о пользѣ наукъ“; этотъ литератур-

7.
Въ памятникахъ въ отрывкахъ напечатаныхъ только
въ недавнее время профессоромъ Поповымъ въ че-
сти Московскаго Общества Исторіи и Древностей.
Въ этомъ сочиненіи мы находимъ весь кодексъ обще-
ственной воззрѣній Платищева. Онъ весь проник-
нутъ любовью къ наукѣ; авторъ приводитъ цѣ-
лый рядъ доказательствъ о пользѣ науки. Но
мы не будемъ останавливаться на этомъ лите-
ратурномъ памятникѣ; гораздо болѣе важную связь
съ его историческою дѣятельностью имѣетъ его
сочиненіе по географіи. Собственно говоря, исторіей
Платищевъ началъ заниматься съ того времени, какъ
ему было поручено Брюсселемъ составишь географію
Россіи; и вотъ Платищевъ съ любовью и энтузи-
азмомъ сталъ заниматься географическими изыс-
сканіями. Въ связи съ этою дѣятельностью въ
области географіи нужно поставить инструкцію,
составленную Платищевымъ для собиранія геогра-
фическаго и этнографическаго матеріала. Эта
инструкція была разослана въ разныя области
и на эти вопросы были получены цѣлый рядъ отвѣ-
товъ. Въмѣстѣ съ тѣмъ эта инструкція указы-
ваетъ на широту плановъ Платищева въ дѣлѣ
изученія русской природы. Положивъ, такимъ об-
разомъ, начало Русской географіи, Платищевъ
даже обратилъ къ составленію Русскаго гео-
графическаго словаря, который былъ доведенъ имъ
до буквы К. Этотъ словарь, не смотря на то,
что позже его явился другой, не утратилъ свое-
го значенія и до настоящаго времени и свидѣ-
тельствуетъ оъ обширности географическихъ
свѣдѣній его составителя. Точно также Плати-
щевъ подготовилъ себя и къ изданію кри-

дических памятников древней Руси, именно къ изда-
нью Русской Правды и Судебника. Платищеву при-
надлежатъ реальные комментарии къ этимъ юри-
дическимъ памятникамъ и здѣсь мы находимъ
много интересныхъ замѣтокъ и объясненій терми-
новъ, которые въ настоящее время непонятны. Такъ
приготовивъ себя Платищевъ къ своей Россійской
Истории.

Обращаемая къ характеристикѣ важнѣйша-
го труда Платищева, именно - Россійской исто-
рии. Этотъ трудъ состоитъ изъ нѣсколькихъ
частей. Въ первой мы находимъ предваритель-
ный понятіи и опредѣленія истории. Плати-
щевъ опредѣляетъ историю такимъ образомъ:
„исторія — слово греческое, то самое значить, что
у насъ дѣи и дѣянія; и хоти нѣкоторые мнѣяъ,
что слово дѣянія единственно дѣла, учиненныя
людьми значить, а приключенія естественныя
или чрезъ естественныя выключаются; но, видѣно
разсмотрѣвъ, всякъ познаетъ, что нѣтъ ничего
приключенія, чтобъ не могло дѣяніемъ называ-
ся". Далѣе онъ послѣдовательно излагаетъ дѣле-
ніе истории на sacred, т.е. священныя и т. д.;
тутъ же авторъ опредѣляетъ пользу истории; она
является, по его воззрѣнію, практически полезною
и для богослова, и для юриста, медика и т. д.
Что же касается Русской истории въ частности,
то и она также полезна, какъ и другія. Въ
высшей степени интересны предгованія Платищева
отъ историка. На первомъ планѣ стоитъ правди-
вость: „сверхъ сего, что о Историчесателяхъ
разсуждаютъ надлежитъ, то во первыхъ — вѣрносѣ
сказанія за главное почестіеся можетъ, оное же

на многія степени раздвѣляется." Вслѣдствіе заѣвиз, перечисливъ источники и лѣтописные списки, въ числѣ которыхъ есть и такіе, которые не дошли до насъ, авторъ говоритъ о мотивахъ, которые побуждали его писать исторію. Брюссу, дѣятелю той же эпохи было поручено написать географію Россіи. Брюссъ поручивъ это дѣло Маттищеву, который, принявшись за трудъ, пришелъ къ тому убѣжденію, что прежде чѣмъ писать географію, нужно написать исторію Россіи. Такимъ образомъ, его трудъ явился результатомъ тридцатилѣтнихъ занятій исторіей. Затѣмъ, въ первой части, состоящей изъ 16 главъ, мы находимъ свѣдѣнія о древности писемъ Славянъ, о изолошусненіи, о крещеніи, а въ одной изъ главъ встрѣчаемъ едва ли не самый важный отрывокъ, заключающій Лаки-мовскую лѣтописъ. Здѣсь сначала разсказывается, какъ Маттищевъ приобрѣлъ эту лѣтописъ. Первая часть ея наполнена разнаго рода баснословными сказаніями; вторая же имѣетъ призна-ки, на основаніи которыхъ можетъ быть призна-на достоверною. Вслѣдствіе заѣвизъ Маттищевъ го-воритъ о Несторѣ, его лѣтописи и его продолжа-теляхъ; далѣе, идутъ сказанія о Скифахъ и Дру-гихъ народахъ, жившихъ въ территоріи южной Руси. Свѣдѣнія о нихъ были выбраны Матти-щевымъ изъ Геродота, Птоломея и другихъ ав-торовъ. Таковъ первый томъ, представляю-щій собою введеніе въ настоящую исторію. Остаточная 4 части представляютъ ничто иное, какъ простой сводъ лѣтописныхъ списковъ, а не прагматическую исторію; здѣсь мы не на-

ходили критики, но за то они снабжены разного рода пришивками, особенно первый том. Таково содержание этого наиболее замечательного труда Матюшева.

Давая общую оценку значению Матюшева в русской историографии, я приведу выдержки из статей двух ученых, занимавшихся этим вопросом, именно - Соловьева и Бестужева-Рюмина.

"Заслуга Матюшева, говорит Соловьев, состоит в том, что он первый начал дело так, как следовало начать: собрать материалы, подвергнуть их критике, свести в точный извѣстий, снабдить их пришивками географическими, этнографическими и хронологическими, указать на многие важные вопросы, послужившие тематикой для позднейших исследований, собрать извѣстия древних и новых писателей о древнейшем состоянии страны, попутно дать названия России, одним словом указать путь и дать средства своим соотечественникам заниматься Русской историей".

Бестужев-Рюмин, разобравъ первую часть труда Матюшева, высказывает свое мнение в такихъ чертахъ: „таково это введение, свидетельствующее о любознательности, начитанности и ширине ученыхъ требований автора: географія и этнографія, политика и правовѣдѣніе, филологія и археологія — все занимаетъ его, все кажется ему важнымъ на страницахъ исторіи. И этотъ человекъ стоитъ въ самомъ началѣ нашей исторической науки и работаетъ почти что одинъ на полѣ, совершенно неразработанномъ.

Будет только думать, что такъ долго мы его не зна-
ли, что еще хуже, пренебрегали имъ. Что же ка-
сается до самого свода, то подробно говорить о немъ
здесь не мѣсто; достаточно только замѣтить, что
Григорьевъ часто указываетъ свои источники и это,
вѣроятно, частію, въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ мы не нахо-
димъ свидѣній въ сохранившихся до насъ источникахъ
и тѣмъ облегчаетъ трудъ тому, кто принялся бы
за полную проверку его извѣстій. Призываніе Гречи-
сина, заключающее въ себѣ, по обыкновенію, множе-
ство указаній, важныхъ для исторіи его времени
и для характеристики его воззрѣній, идетъ
только до нашествія татаръ.

Гречисинъ главный представитель Русской исто-
рической школы первой половины XVIII в. Здесь нуж-
но замѣтить, что судьба этого сочиненія была не-
счастна; оно было напечатано послѣ его смерти
и то безъ 5ой части, которая была напечата-
на только въ первой половинѣ XIX в. — Бодянский
въ Атеніяхъ Москов. Общ. Исторіи и Древностей.
Обращаемая теперь къ трудамъ двухъ лицъ, ко-
рые занимались русской исторіей, и которые ве-
ли ожесточенную борьбу съ представителями нѣ-
мецкой школы, это были Предвѣковскій и Ло-
моносовъ.

Предвѣковскій извѣстенъ своею работою, три
разсужденія о трехъ главныхъ древностяхъ Россіи-
скихъ, а именно: 1, о первенствѣ языка славянъ
предъ тевтонскими; 2, о первоначалѣ Россіи;
3, о Варягахъ-Руссахъ. Въ этомъ трудѣ, из-
данномъ въ концѣ XVIII в., обнаружилась замѣ-
чательная начитанность въ разныхъ авторахъ,
но все сочиненіе является произвольнымъ, не си-

статистическим; видно полное отсутствіе школы и, что самое главное, основаніемъ для выводовъ является созвучіе. Я приведу нѣсколько образцовъ филологическаго Предьяковскаго. Онъ доказываетъ, что Скифы и Кельты принадлежатъ къ одному племени - Славянамъ. „Цельтъ есть по Словенски - Желтъ, а Цельты следовательно Желты, т. е. народъ свѣтлорусый.“ „Агатиръ есть Оксодиръ, т. е. Оксодеръ отъ надсмотрщика надзора.“

„Литоксаисъ, Артоксаисъ и Калаксаисъ. Первый есть Лепеша отъ Лепиши. Второй - Арпеша отъ Араго или скорого путешествія. Третій - Калаша отъ колесницы, кама или колеса движущей Авхаты т. е. Обхватъ для того, что, какъ А часто мѣняется на О, такъ у грековъ В - за римское Б.“ „Отъ Артоксаиса - Катмары и турастин; а знаютъ они ходы Ары и Дерехин, одни отъ ступенчатого шествія, а другиі - отъ драгид и разбиванія на битвахъ.“

„Мессагеты, Мистогеты, т. е. общества, переходящія по мѣстамъ. Упацианы, Обселяны, т. е. Общники. Аргипей или Архипей, О-ри-бан, т. е. О-рыи Баятемъ или сказателемъ дѣльнаго и справедливаго. Исседаны, Ищедомы, или изъ-за моря, т. е. изъ за рѣки Аримедіе.“ Сармаѣ не происходятъ ли отъ Словенскаго Царейтъ, т. е. отъ человека, умѣющаго превосходно метать.

Испанія: или это поврзжено съ Словенскаго и есть Выспанія, какъ будто полуостровная.

Германию Германцы производятъ отъ земли, населенной военными людьми Эверге и Манв; или она есть отъ Холмовъ. Холмания, Халманий и Гиманий.

Скандинавiя есть Шкондынавiя, т.е. отъ вреда, влечущаго въ ней съ близкою сѣвера.

Земля отъ Ваноги, какъ многовластная.

Донъ отъ тона, т.е. отъ глубины и ширины, то и поныи тмий и воднестой мѣста на-зываются на низу затоны.

Берметень отъ Берметъны, какъ рѣка, срываю-щая быстро и низвергающая берега или пра-де отъ пертiя муть со дна; Бугъ-преж-е Сипанъ, отъ кунаний кунанъ.

Косары обозначаютъ людей посидицъ неприд-млей своихъ. Вусары-суть ничто иное, какъ только поврежденные или отъ косаровъ."

Приведенные отрывки достаточно баракжер-

ны. Очевидно, что, желая сдѣлать Славянъ

древнѣе Германцевъ, Прудъ Яковскiй дашель уже слишкомъ далеко, даже въ сравненiи съ другими историками - патриотами.

§3. Ломоносовъ и Щербатовъ.

Библиографiя

С. М. Соловьевъ. Писатели русской исторiи XVIII в. (Архивъ историко-юри-дическiхъ свидѣнiй. Калачевскiй 1855 г. кн. II.

Мякотинъ. Дворянскiй публицистъ Екатерининской эпохи. "Русское богат-ство" 1898 г.

Полупинъ. Русскiй сатирич. романъ XVIII в.

3) Ломоносовъ собственно былъ такой же народный
 тулунъ, какъ и Тредьяковский. Они оба были
 яркими противниками представителей нѣмецкой
 школы Байера, Миллера и Меллера; это были
 две партии въ Академіи Наукъ. Ломоносовъ
 стоялъ во главѣ оппозиціи противъ нѣмецкой
 школы и, чтобы показать, какъ нужно писать
 Русскую исторію, онъ предложилъ Академіи
 свои услуги; писалъ онъ очень долго. Но, хотя
 онъ и былъ человѣкъ гениальный, все таки до-
 ло это было совершенно новое и весьма труд-
 ное. Оно затянuloсь до 60 ^{лѣтъ} годовъ и на-
 печатано было только первый томъ, где Рос-
 сійская исторія была доведена до Ярослава
 Мудраго. Здѣсь нужно отметить нѣкоторыя
 его выводы. Между прочимъ авторъ
 высказываетъ мысль о единствѣ Славянскихъ
 народовъ, основанную на единствѣ славян-
 ской мифологіи; затѣмъ говоритъ о призва-
 нии Славянъ не изъ Скандинавіи, а изъ славян-
 ской по морю, — мысль, которая получила дан-
 нѣйшее развитіе сравнительно въ недавнее
 время въ трудахъ Зеденова, Забѣлина и др.
 современныхъ историковъ. Общая тенден-
 ція его труда — патриотизмъ, т. е. желаніе
 дать преимущество Славянамъ надъ нѣмца-
 ми. Крайне это онъ приводитъ сравненіе
 нашей исторіи съ исторіей Рима и Греціи.
 А что касается до изложенія, то оно отли-
 чается риторическимъ характеромъ. Впро-
 чемъ оно у него не доведено до такой край-
 ней степени, какъ это мы видимъ въ трудахъ
 Элиа и Слагина.

Щербатовъ является однимъ изъ наиболѣе выдающихся людей своего времени; онъ хорошо зналъ и древнѣе и новѣе языки, имѣлъ библіотеку изъ пятидесяти тысячъ томовъ; занимался разнаго рода публицистическими вопросами, участвовалъ въ комиссіи по составленію уложений. Щербатовъ если не бывъ подготовленъ къ сочиненію русской исторіи, зато общая подготовка его была очень высока. Въ его распоряженіи Екатерина II предложила кабинетъ Петра Великаго, изъ были собраны бумаги этого государя, и открыта доступъ ко всѣмъ государственнымъ архивамъ. Съ этого момента Щербатовъ началъ заниматься Русской исторіей и плодомъ его неутомимой δραательности было 15 томовъ, доведенныхъ до начала XVII ст., т. е. до 1610 г. Это сочиненіе является выдающимся историческимъ трудомъ своего времени. Къ числу достоинствъ нужно отнести ссылку автора на источники; въ этомъ отношеніи Щербатовъ превосходитъ всѣхъ своихъ современниковъ; онъ отличается такой аккуратностью и точностью, какой мы не видимъ ни у кого изъ его предшественниковъ. Онъ разбирался удачно въ значителѣномъ количествѣ латинскаго; былъ хорошо знакомъ съ исторіей вселенной и поэтому приводилъ убожденія и сравненія событій русской исторіи съ событиями исторіи Западно-Европейской. Мытаясь объяснить связь русской исторіи, онъ дѣлаетъ оригинальные выводы, и вообще отличается своеобразностью въ самостоятельномъ

Щербатовъ является однимъ изъ наиболѣе выдающихся людей своего времени; онъ хорошо знаетъ и древнiя и новыя языки, имѣлъ библютеку изъ пятидесяти тысячъ томовъ; занимался разнаго рода публицистическими вопросами, участвовалъ въ комиссiи по составленiю уложений. Щербатовъ если не былъ подготовленъ къ сочиненiю русской исторiи, зато обширная подготовка его была очень высока. Въ его распоряженiи Екатерина II предложила кабинетъ Петра Великаго, изъ были собраны бумаги этого государя, и открыта доступъ ко всѣмъ государственнѣмъ архивамъ. Съ этого момента Щербатовъ началъ заниматься Русскою исторiей и плодомъ его неутомимой дѣятельности было 15 томовъ, доведенныхъ до начала XVII ст., т. е. до 1610 г. Это сочиненiе является выдающимся историческимъ трудомъ своего времени. Къ числу достоинствъ нужно отнести ссылку автора на источники; въ этомъ отношенiи Щербатовъ превосходитъ всѣхъ своихъ современниковъ; онъ считался такою аккуратностью и точностью, какой мы не видимъ ни у кого изъ его предшественниковъ. Онъ разобрался удачно въ значительномъ количествѣ латинскаго; былъ хорошо знакомъ съ исторiей всемирною и поэтому приводилъ уподобленiя и сравненiя событiямъ русской исторiи съ событiями исторiи западно-европейской. Пытаясь объяснить смыслъ русской исторiи, онъ дѣлаетъ оригинальные выводы, и вообще отличается своеобразностью въ самостоятель-

ныхъ воззрѣній. Конечно дѣло не обходится
иногда и безъ странностей и курьезовъ; онъ, на-
примѣръ, объясняетъ сватовство Константина
Багрянороднаго къ Ольгѣ желаніемъ Визан-
тіи вступить въ союзъ съ Русью и, такимъ обра-
зомъ, совместно дѣйствовать въ политическихъ
стремленіяхъ. Едва ли не менѣе Щербатову уда-
лось высказать взгляды, заслуживающіе внима-
нія; такъ, онъ указываетъ на важное значе-
ніе дѣятельности Ивана III въ дѣлѣ Москов-
скаго единовѣрствія, въ дѣлѣ собиранія Руси.
Къ числу недостатковъ этого труда нужно
отнести тяжелый слогъ, что отбиваетъ
взрѣтъ у читателей. Этотъ же авторъ при-
обрѣлъ себѣ известность и дружины сочине-
ніемъ - "о поврежденіи правды въ Россіи" это
работа, носившая характеръ сатиры на
Петровское время и на русское общество;
здѣсь слышится желаніе возвратиться об-
ратно въ допетровскую старину; доказы-
вается, что русская исторія со времени Петра
пошла по ложному пути.

5/ § 4. Болтинъ.

Болтинъ стоялъ чѣмъ то головою выше
Щербатова, хотя подобно Щербатову, и
не занимавшій спеціально русской исторіей.
Болтинъ жилъ на Югѣ, въ Васильковской

матюжковъ. Былъ онъ не очень образованнымъ
 человекомъ, но чрезвычайно интересовался исто-
 рией, былъ начекиникомъ какъ въ русской, такъ
 и во всеобщей исторіи и оставался простымъ
 любителемъ, пока случай не заставилъ его
 обратиться на путь самостоятельнаго изу-
 ченія русской исторіи. Въ это время во
 Франціи появилась книга Лекерка о Россіи:
 "Histoire physique, morale, civile et po-
 litique de la Russie ancienne et moderne."
 Въ этой книгѣ изложена исторія Россіи и
 высказаны взгляды на ея современное положеніе;
 и все это изображено было въ отрица-
 тельномъ и невѣрномъ видѣ. Болтинъ не
 выдержавъ и рѣшился написать свои при-
 мѣчанія на исторію Лекерка. Трудъ
 этотъ вышелъ въ двухъ томахъ. Общій харак-
 теръ сочиненія Болтина таковъ: Это не есть
 систематическое сочиненіе; авторъ дѣлавъ вы-
 писки изъ книги Лекерка, приводивая къ
 нимъ свои критическія замѣчанія и, та-
 кимъ образомъ, составивъ изъ нихъ два то-
 ма критическихъ примѣчаній на книгу
 Лекерка. Чтобы разобратъ въ нихъ, Бол-
 тинъ помѣстилъ предметный указатель.
 Общій характеръ труда Болтина - патріо-
 тическій: онъ старался доказывать русскія
 начала русской исторіи; онъ вооружался
 противъ мнѣній Лекерка, что древняя русь
 до призванія князей не имѣла цивилиза-
 ціи. Онъ старался опровергать невѣрное
 мнѣніе относительно сущности эпохи, заимъ-

ищавъ русское имя, русскихъ людей противъ
 Поляковъ; доказывавъ, что татары не имѣ-
 ли громаднаго вліянія на русскихъ (какъ извѣ-
 стно, Соловьевъ воспринялъ эту мысль Болтинъ),
 онъ опровергалъ нападки на единодержавіе:
 сравнивалъ русскую исторію съ исторіей
 западной Европы, находивъ, что у насъ былъ
 одинъ тиранъ, Иванъ Грозной, а на западѣ
 ихъ было много. Книга эта обнаружила
 изумительную наглость и критиче-
 скій талантъ; авторъ ея представляетъ со-
 бою самородка критика, являясь какъ-бы
 антиподомъ Шлецера. Кроме этого сочине-
 нія Болтинъ написалъ еще „Критическія
 примечанія“ на два первые тома Россій-
 ской исторіи кн. Щербатова; это убійствен-
 ная, редкая критика, гдѣ Болтинъ ука-
 зывавъ не только на неправды въ выводахъ,
 но даже и на неумѣнье обращаться съ ма-
 териалами. Сперва онъ написалъ небольшую
 брошюру, въ которой изложилъ карамъ трудъ
 Щербатова; послѣдній отвѣтилъ Болтину
 письмомъ, гдѣ простодушно извиняется се-
 бя въ промахамъ массою источниковъ и
 неимоверною трудностью разобратъ въ
 нихъ. Тогда Болтинъ написалъ цѣлую кни-
 гу и указавъ цѣлый рядъ грѣшнхъ истинъ:
 что, молъ, не слѣдуетъ и браться за дѣло
 человеку, который не можетъ разобратъ въ
 древнихъ извѣстіяхъ, которымъ не имѣетъ
 критическаго таланта и которому неиз-
 вѣстны много матеріалы, необходимыя
 для такого труда, какъ Россійская исто-

При этом Болтинъ указавъ на достоин-
ства Нестора, доказавъ достоверность Акимов-
ской лѣтописи. Впрочемъ, и у Болтина нахо-
дись одну странную мысль, которая обнаружи-
лась въ немъ непониманіи значенія народной поэ-
зіи. Болтинъ полагалъ, что народныя пѣсни не
имѣютъ историческаго значенія, будучи произве-
деніемъ одной черни или бродягъ. Между тѣмъ
въ этомъ отношеніи кн. Щербатовъ, человекъ
гуманитарнаго образа мыслей, высказавъ
своемъ, совершенно правившись.

Таковы два вѣдущіе представителя рус-
ской исторической школы въ царствованіи
Екатерины II. Здѣсь же слѣдуетъ упомянутьъ
о датскихъ сапогахъ Екатерины II, доведенныхъ
до Кушковой битвы; онѣ не имѣютъ исто-
рическаго значенія. Екатерина хотѣла и зани-
маться русской исторіей, но не могла само-
стоятельно разрабатывать ее; она стояла
на точкѣ зрѣнія Синодуса и находилась
подъ вліяніемъ Матіушева и Болтина.

Кромѣ этого Екатерина старалась разви-
вать драматическое искусство при дворѣ, а
сама писала драмы для представлений. Это-
бы покончить съ русскими направленіемъ, нуж-
но упомянутьъ еще о двухъ дѣятеляхъ - Эми-
и Слагинѣ. Имъ нужна была русская ис-
торія для историческихъ драмъ; одинъ изъ нихъ
былъ драматургомъ и открывшимъ театраль-
ное направленіе внести въ русскую исторію:
действующія лица у него говорятъ превыс-
шенно. Оба эти писатели признаются, что

они сочиняли рубли потому, что въ исторіи должны быть, по ихъ мнѣнію, высокопарныя фразы. *ЛСР*

Школа нѣмецкихъ академиковъ въ русской исторіографіи.

Библиографія:

Соловьевъ. Г. Ф. Миллеръ. (Современникъ 1854)

— Каченовскій. Объ историческихъ трудахъ и запискахъ Миллера. Уч. Зап. М. Чл. 1839.

Пекарскій. Исторія Импер. Акад. наукъ (т. I стр. 180-196, посвящена Байеру.)

Автобіографія Миллера помѣщена въ XIII т. "Сборника отд. русскаго яз. и словесности Имп. Акад. Наукъ". Соловьевъ. Миллеръ и антиисторическое направленіе. (Русскій вѣстникъ 1856 и 1857.)

Миллюковъ. Главныя теченія русской исторической мысли. С. П. б. 1906 г.

Указавъ представителей русской школы въ нашей исторіографіи, мы должны перейти къ характеристикѣ нѣмецкой школы — къ дѣятельности нѣмецкихъ членовъ русской Академіи Наукъ. Важнѣйшими представителями этой школы нужно признавать Байера, Герарда Фридриха Миллера и Миллера. Къ дѣятельности этихъ трехъ лицъ мы и обратимся.

§ 5. Байеръ.

Байеръ былъ собственно по научнымъ занятіямъ филологъ и ориенталистъ. За границей съ самыхъ молодыхъ лѣтъ онъ занимался древними языками; еще до поступленія въ университетъ онъ прекрасно изучилъ латин-

языкъ; носить этого занаята восточный или
 языками и эти занаята сдѣлались любимы-
 ми. Вскорѣ затѣмъ Байеръ перешелъ въ рус-
 скую Академію Наукъ въ качествѣ члена издѣсь
 занимающагося филологіей и ориенталистикой. До-
 маю общую оцѣнку дѣятельности Байера,
 мы можемъ привести здѣсь в немъ свидѣтель-
 ство одного изъ современниковъ: „Байеръ, гово-
 рится во всеобщей Энциклопедіи Др. Грубера,
 былъ такой изсѣдователь по части языко-
 знаній, такой ученый розыскатель по части
 исторіи, что только немногіе могутъ быть срав-
 нены съ нимъ. Владѣя богатѣйшими запасами
 ученого языкознанія и будучи надѣленъ гениаль-
 ной сообразительностью, онъ пользовался этимъ
 для разъясненія темныхъ мѣстъ древней и сред-
 ней исторіи. Всѣ его сочиненія, отличающія-
 ся вкусомъ и классической латынью, полны но-
 выхъ открытій и возникли изъ рѣдкой даро-
 витости совокуплять во взаимно-связное цѣ-
 лое незначительныя историческія данныя и на-
 мѣки.“ Какъ видно изъ этого, Байеръ былъ
 настоящимъ ученымъ въ западно-европей-
 скомъ смыслѣ слова; но онъ былъ далекъ отъ
 занятій русской исторіей; достаточно зналъ,
 что съ русскимъ языкомъ Байеръ не былъ зна-
 комъ и при такихъ условіяхъ онъ долженъ
 былъ обратить все свое вниманіе на древ-
 ній стверъ и на Древнихъ славянъ, т. е. на
 тотъ періодъ, когда Русь не являлась на
 исторической сценѣ, причемъ нѣмецкій ученый
 долженъ былъ основывать свои изсѣдованія
 не на русскихъ памятникахъ, а на иностран-

ныхъ. Вотъ такими именно характерами и отличаю-
ются все его статьи: "*De origine et primis
sedibus Scytharum*"; "*De Varagis*"; "*Origines
Russicae*"; "*Geographia Russiae vicinarum-
que regionum ... et Constantinus Porphyroge-
neta, Geographia Russiae et scriptoribus*."

Все эти сочинения, относящиеся къ глубокому
древне-славянскому северу основаны на сказа-
ниях иностранцевъ; некоторыя изъ этихъ ра-
ботъ были переведены на Русскій языкъ; мно-
гиз же и воззрѣвшіи Байера вызвали въ свое
время полемичу русскіхъ членовъ Академіи
Наукъ - Предъаковскаго и Ломоносова. Таковъ
былъ первый ученый по русской исторіи, зани-
мавшійся скандинавскими северами.

§ 6. Тератъ Фридрихъ Миллеръ.

Продолжателемъ Байера явился знаменитый
его замѣститель - Миллеръ; его біографія пред-
ставляетъ уже значительный интересъ; онъ былъ
обрусѣвшимъ нѣмцемъ и его имя и не называли,
какъ Федоровъ Ивановичъ. За границей онъ не по-
лучилъ такой серьезной подготовки, какъ Байеръ
и Шлецеръ; въ этомъ отношеніи Шлецеръ по-
смотрѣлъ свысока на Миллера, который сперва
поступилъ въ Академію Наукъ въ качествѣ адъюнк-
та, а затѣмъ былъ назначенъ для чтенія лекцій
въ гимназіи, находившейся при той же Академіи
Наукъ. Вназавѣ онъ находился въ весьма дру-
жественныхъ отношеніяхъ съ президентомъ Ака-
деміи Наукъ Мухомеровъ; этотъ послѣдній поль-
зовался значительнымъ вліяніемъ въ то время
и потому содѣйствіе его для Миллера было очень

важно. Но вскоре возникла между ними вражда, которая продолжалась много лет; она началась еще путешествием Миллера на западъ. Это-то вражда съ Мюллеромъ и невозможность соединить путешествія въ Академіи На-
 звалъ послужилъ поводомъ для занятій русской исто-
 ріей. Сами Миллеръ объ этомъ свидѣтельствуетъ
 такъ: „съ молодыхъ лѣтъ до возвращенія моего
 изъ путешествія, сдѣланнаго по Англіи, Голлан-
 діи и Германіи, я болѣе прилежалъ къ космогно-
 міи Морсера, къ исторіи уродности, къ свѣдѣ-
 ніямъ, требующимъ отъ библиотечаря. Обшир-
 ная бібліотека моего отца воспитывала во
 мнѣ эту склонность. Я поддерживалъ ее въ уни-
 верситетѣ и путешествіяхъ. Быть можетъ, въ
 Петербургѣ я сдѣлалъ бы съ нею мое счастье, ког-
 да бы дѣла не принесли иной оборотъ послѣ
 неудачъ, которые показаны 2. Мюллеръ вскры-
 тель и расхищеніемъ моего шкафа... Я слѣд-
 ственно продолжилъ другой ученый путь - это бы-
 ла русская исторія, которую я вознамерился
 не только сами прилежно изучать, но и сдѣлать
 достояніемъ друзей въ сочиненіяхъ по лучшимъ
 источникамъ. Слѣдующее предпріятіе! Я еще ни-
 чего не сдѣлалъ въ этой области и былъ еще
 не совсемъ опытенъ въ русскомъ языкѣ, однако
 опираясь на мои литературныя познанія и
 на мое знакомство съ тѣми изъ находивших-
 ся въ Академической бібліотекѣ книгами и
 рукописями, которыхъ я умѣлъ переводить при
 помощи переводника. Господинъ Байеръ, объе-
 савившій древнюю русскую исторію и географію
 съ греческихъ и славянскихъ писателей, подкрѣпленный

меня въ этомъ предпріятіи. Его намереніе было, чтобы я помогать ему въ составленіи статей и въ предварительной обработкѣ, когда бы мнѣ удалось изучить русскій языкъ, въ чемъ онъ не сомнѣвался, потому что я былъ молодъ и дѣятеленъ. Теперь вотъ что изъ этого послѣдовало: я началъ предложеніемъ объ улучшеніи русской исторіи посредствомъ печатанія вы-
 пускамъ сборника различныхъ извѣстій, отно-
 сящихся до обстоятельствъ и событій въ русска-
 скомъ государствѣ." На первыхъ же порахъ съ Миллеромъ приключился непріятный ка-
 зусъ; онъ приписалъ Несторову хотѣвшее изу-
 мену Свѣдѣній только потому, что тамъ
 стояло „Свѣдѣнія Монастыря“. Пробывши
 некоторое время въ Академіи, въ 30 ⁶⁴ года
 Миллеръ совершилъ знаменитую Экспедицію
 въ Сибирь; эта Экспедиція была совершена
 по мысли капитана Беринга. Онъ отпра-
 вилъ для изученія Сибири; къ нему присоеди-
 нились Гмелинъ и Миллеръ вмѣстѣ съ нѣсколь-
 кими студентами, въ томъ числѣ и Краш-
 енниковъ; кромѣ того было достаточно пѣ-
 цовъ и помощниковъ. Миллеръ занимался
 здѣсь историческими и этнографическими из-
 сѣдованіями и наблюденіями. Особенной призна-
 тельности заслуживаютъ его работы въ та-
 машнихъ архивахъ. Онъ первый изучилъ си-
 бирскіе архивы, познакомился съ ихъ содержані-
 емъ и издалъ изъ нихъ цѣлую массу всевоз-
 можныхъ выписокъ; выписки эти представ-
 лять собою 20 фолиантовъ, которыми поль-
 зуются многие послѣдующіе историки. Въ

городъ Тобольскъ нынѣ нашамъ знаменитую
 Сибирскую летопись; въ этомъ нынѣ свидѣ-
 тельствуетъ такими образомъ: „Я былъ какъ
 счастливъ, что досталъ въ тобольскъ старин-
 ную Сибирскую летопись съ изображеніемъ, ко-
 торымъ разъясняетъ всеъ недоумѣніи и приѣмъ
 которой невозможно возразить. По возвраще-
 ніи моемъ, я привезъ эту рукопись Ака-
 демической библіотекѣ, какъ особенную драго-
 цѣнность. Съ нею не существуетъ ни одного
 списка кромѣ того, который я велѣлъ со-
 нать для собственной употребленія. На ней
 основывается исторія завоеванія, какъ она
 рассказана мною въ первой части моей Си-
 бирской исторіи.“ Кромѣ этого нынѣ нашамъ
 цѣлую массу архивныхъ матеріаловъ въ дру-
 гихъ городахъ Сибири. Изъ турунска Ми-
 неръ пишетъ въ Академію такими образомъ:
 „Время, проведенное мною, согласно высочайше-
 му императорскому повелѣнію, въ Сибири,
 дозволило мнѣ въ особенности примечатель-
 ности приведенію въ полную ясность Сибирской
 исторіи собраніемъ всего, до нея принадле-
 жащихъ актовъ и я имѣю счастье извлечь изъ
 архивовъ подобныя извѣстія о всѣхъ главнѣй-
 шихъ происшествіяхъ, случившихся съ 7101 года (1593)
 по греческому времени счисленія. Но о годахъ
 предшествовавшихъ, а также о первыхъ отпра-
 вленіяхъ, которыхъ были упрямлены и прика-
 заны изъ Россіи послѣ нагатаго Ермакова
 приключенія въ 7085г. (1577) покоренія Си-
 бири, - въ Сибирскихъ архивахъ никакихъ

старинных известий не попадалось, хотя в
рода Тюмень и Тобольск, как свидетельству-
ют обыкновенной Сибирский летописи, - построе-
ны в 7094 и 7095 г.г. (1586 и 1587). Изъ этих же
летописей известно, что еще прежде в 7091 и
7093 годах в Сибирь были воеводы изъ Москвы.
Такъ какъ архивы в Тюмени начинаются с
7102 года, в Тобольск с 7133 г., в Пермь,
Берцовъ и т.д. с годами ихъ постройки -
с 7101 и 7102 г., то обо всемъ этомъ нельзя узнать
ничего обстоятельное, кромѣ того, что содержи-
тъ вкратцѣ въ сказанныхъ летописяхъ."

Въ этой Сибирской Экспедиции Миллеръ проводилъ
мѣсяцы 10 летъ; за все это время кромѣ того,
что онъ собралъ много историческаго матеріа-
ла, сдѣлалъ также массу историко-этно-
графическихъ наблюдений. Замѣчательна судьба
Сибирскихъ документовъ, собранныхъ Миллеромъ;
все они хранятся в Москвѣ при архивѣ Ино-
странныхъ Дѣлъ, и въ теченіе всего времени они слу-
жили для разнаго рода ученыхъ изданій. Миллеръ по-
добавилъ много предмѣтъ Миллера, Археолого-
графическаго Комиссіи и другихъ историческихъ Обще-
ствъ. Но и въ настоящее время портреты Ми-
ллера еще не исчерпаны. Возвратившись изъ Си-
бирской Экспедиции, Миллеръ съ одной стороны
занимался обработкой того матеріала, который
былъ собранъ, а съ другой стороны внесъ предло-
женіе объ учрежденіи Историческаго Департа-
мента для сочиненій исторіи и географіи Рос-
сійской Имперіи. Конечно, насъ не должно удив-
лять это названіе, такъ какъ въ то время на
всякое научное Общество смотрѣли какъ на

департаментъ, центромъ котораго должна быть Москва. Въ составъ этого департамента должны войти состоять Миллеръ и два помощника - одинъ французъ, другой - русскій. Кроме этого должны войти еще и писцы. Но этотъ проектъ не осуществился; Миллеръ между тѣмъ принужденъ былъ принять русское подданство и только тогда его положеніе въ Академіи было устроено: онъ сдѣлался и профессоромъ и историко-географомъ и, наконецъ, принялъ должность конференцъ-секретаря Академіи Натуръ. Въ это время и его матеріальное положеніе значительно улучшилось; онъ сталъ получать 1570 руб. Въ числѣ послѣднихъ заботъ Миллера мы должны указать на его стараніе о сохраненіи рукописей Татищева. Онъ два раза предупредилъ Правительство о принятіи мѣръ для сохраненія этихъ рукописей, говоря, что въ противномъ случаѣ они или сгорятъ или такъ пропадутъ; какъ извѣстно библіотека Татищева вся сгорѣла. Въ это же время Миллеръ постоянно былъ вступитъ въ пререканіе съ другими членами Академіи - Ломоносовымъ, Крашенинниковымъ и Тепловымъ. Обстоятельство это дѣйствовало на него самымъ угрожающимъ образомъ. Тепловъ, какъ видно, всячески преслѣдовалъ Миллера. Ломоносовъ также пользовался всякимъ удобнымъ случаемъ, чтобы унижить его. Крашенинниковъ же, еще будучи студентомъ, участвовалъ съ нимъ въ экспедиціи въ Сибирской Экспедиціи, но когда Миллеръ не захотѣлъ отправиться для описанія Камчатки, то съ того времени произошло между ними

несогласіе. Особенную распрю произвела рѣчь „о происхожденіи народа и имени Россійскаго; по словамъ Ломоносова Миллеръ долженъ былъ прочитать эту рѣчь, потому что „у него довольно хорошее русское произношеніе, громкій голосъ и присутствіе духа, очень близкіе къ нахамбству“. Эта рѣчь и произвела въ Академіи пререканіе; академики наши, что въ этой рѣчи много непатрістическаго. Оригинальны, но вѣдь съ тѣмъ одностороннимъ возмущеніемъ Метрова, утверждающаго, что Миллеръ во всей рѣчи ни одного случая не показалъ къ славу Россійскаго народа, но только упомянулъ о томъ болѣе, что къ безславію служить можетъ, а именно: какъ ихъ многократно разбивали въ сраженіяхъ, гдѣ грабескии, огнемъ и мечемъ опустошили и у царей сокровища грабили. А напослѣдокъ удивленія достойно, съ какою неосторожностью употребилъ экспрессию, что Скандинавы побѣдоносно въ своихъ оружіяхъ благополучно съ всю Россію покорили“. Оскорбленный и обиженный этими нападка-ми, Миллеръ просилъ назначить особую комиссію для разсмотрѣнія его рѣчи, но не взвѣсивъ на это, она не была произнесена. Послѣ этого Миллеръ переходитъ въ Москву на службу при вѣстителенномъ дворѣ, а вскорѣ затѣмъ получаетъ мѣсто въ качествѣ директора при Московскомъ Архивѣ иностранныхъ Дѣлъ. Здѣсь положеніе его было совершенно самостоятельное и онъ сдѣлавъ не мало хорошаго для этого Архива. Его библиотека была у него куплена Екатериной II, но съ усло-

вѣдѣ, чтобы онъ ею пользовался до самой смерти. Важнѣйшіе труды Миллера слѣдующіе: "Сибирская исторія", напечатанъ одинъ первый томъ, а продолженій ея появлялись только въ отрывкахъ въ его Ежемесячныхъ сочиненіяхъ. Эта работа являетсѣ первою исторіею Сибири, отличающеюся богатымъ фактическимъ содержанием; здѣсь мы находимъ исторію завоеваній Сибири и послѣдующую судьбу ея на основаніи разныхъ актовъ и грамотъ. Въ рукописяхъ Миллера были грамоты, жалованнаго графа Строгановымъ отъ Московскихъ царей. Въ ряду трудовъ Миллера слѣдуетъ отнестись къ "Ежемесячнымъ сочиненіямъ" и отнестись къ статьямъ его о Несторѣ, о торговлѣ Сибири, о запорожскихъ казакахъ. Имъ же написана была исторія Академіи Наукъ; она не была напечатана, но этою книгою пользовался и Пекарскій для составленія исторіи имп. Академіи Наукъ. Кроме этихъ сочиненій Миллеръ извѣстенъ еще какъ издатель. Онъ издавалъ "описаніе Камчатки" Крашенинникова, исторію восточныхъ татаръ, судебникъ Ивана IV, Ядро русской исторіи и нѣкоторые другіе. Затѣмъ остается еще много сочиненій Миллера въ рукописяхъ. Для насъ общую оценку заслугъ этого нѣмецкаго ученаго въ русской исторіографіи, мы должны сказать, что дѣятельность его стоитъ гораздо выше дѣятельности Байера. Въ то время какъ первый совершенно незнакомъ былъ съ русскимъ языкомъ, Миллеръ занимался русскимъ и славянскимъ языкомъ и былъ хорошо начитанъ

въ памятникахъ русской исторіи. Такимъ обра-
зомъ, первое основаніе русской исторіи было поло-
жено этими иностранцами, принесшими пользу
своими изсѣдованіями и еще больше собраніемъ до-
кументовъ. Трудомъ Миллера о Сибири воспользо-
валась Фигнеръ; но этотъ послѣдній предстаетъ
вѣкъ простою копіею. Если мы сравнимъ тру-
ды обоихъ ученыхъ, то первый изъ нихъ является
критикомъ и ученымъ изсѣдователемъ, вто-
рой же только копіею.

§ 7. Миллеръ.

Миллеръ былъ родомъ изъ Германіи. Еще въ юныхъ
лѣтахъ онъ имѣлъ большую склонность къ древ-
нимъ языкамъ — изучалъ классическіе языки и нѣко-
торые восточные. Уже в 9, 10 лѣтъ онъ изучалъ
своими знаніемъ латинскаго языка и необычно-
венною истотою произношеній. Воспитывался
онъ въ Виттенбергскомъ университетѣ, а затѣмъ
въ Геттингенскомъ, который въ то время славился
своею ученою. Здѣсь, въ Геттингенскомъ универ-
ситетѣ онъ снуждалъ Михаѣлса, спеціалиста
по еврейскимъ древностямъ и отъ этого послѣд-
няго получилъ страсть къ изученію Востока,
Еврейскаго, Арабскаго и др. языковъ. Нѣтъ сомнѣ-
ній, что вліяніе Михаѣлса опредѣлило всю
дальнѣйшую жизнь и дѣятельность Миллера.
Съ этимъ Михаѣлсомъ онъ находился по-
сто въ перепискѣ и благодарилъ ему же получилъ въ по-
слѣдствіи приглашеніе отъ Миллера въ Россію.
Подъ вліяніемъ Михаѣлса у него составилась
планъ о путешествіи на Востокъ; но онъ былъ
бѣденъ и не имѣлъ никакихъ средствъ, а пото-

ему привелъ въ исполненіе свой планъ ему не уда-
лось. Тогда онъ рѣшившій поступить учителемъ
въ Стокгольмъ, такъ какъ это приближало его
къ осуществленію заветной цѣли. Будучи въ
Стокгольмѣ, онъ занимался изученіемъ языковъ
Готскаго, Исландскаго, Латвискаго и Полю-
скаго; онъ изучилъ ихъ въ короткое время и до-
статочно твердо; вообще онъ былъ необыкновенно
способенъ къ изученію новыхъ языковъ и изучалъ
ихъ рациональнымъ образомъ, какъ увидимъ да-
же изъ его собственныхъ разсказовъ. Будучи
еще въ Швеціи, онъ написалъ два сочиненія—
первое подъ заглавіемъ „исторія учености въ
Швеціи“; второе „опытъ всеобщей исторіи мо-
реплаваній и торговли съ древнихъ временъ“.
Изъ прочесть, этой послѣдней книги вышелъ толь-
ко первый выпускъ, который обнималъ собою
торговлю финновъ; оба эти сочиненія были на-
писаны на шведскомъ языкѣ. После этого онъ
возвратился въ Германию, въ Геттингенскій уни-
верситетъ и продолжалъ заниматься наука-
ми; въ это именно время онъ получилъ то ши-
рокое энциклопедическое образованіе, которое
впоследствии принесло ему громадную пользу.
Въ первое время онъ интересовался и работалъ
надъ естественными, медицинскими, юриди-
ческими науками и, въ частности, статисти-
кой; съ какою-то ненасытною охотою
онъ предавался этимъ занятіямъ. Но все-та-
ки и въ это время мысль о путешествіи на
Востокъ не покидала его. Въ это-то время
онъ отправился въ Россію и поступилъ въ
качество учителя къ Миллеру. Приглашеніе

Это онъ получилъ при посредствѣ Брюшинна и Ми-
 хайлса. Брюшинна долженъ былъ отправить въ
 Россію въ качествѣ пастора и здѣсь Миллеръ про-
 ситъ его отыскать человека образованнаго, знаю-
 щаго исторію и географію; и вотъ по рекомен-
 даціи Михайлса Брюшинна и посовѣтѣвавъ
 Миллеру пригласить въ качествѣ домашняго
 учителя - Млецера. Собственно говоря эта долж-
 ность не могла привлечь Млецера, такъ какъ
 она оплачивалась всего 200 рублѣмъ, т. е. та-
 кой суммой, которая была значительно меньше
 содержанія, получаемого ремесленниками ино-
 странцами. Но Млецеръ принявъ это предло-
 женіе, шлъ въ виду осуществить свой про-
 ектъ путешествія на востокъ. Сохрани-
 лась переписка между Миллеромъ и Млеце-
 ромъ, изъ послѣдней наставлялъ на намѣре-
 ній осуществить свое путешествіе на востокъ,
 а до того времени соглашався заниматься и
 русскими историческими и русской исторіей и,
 наконецъ, помогать Миллеру въ его литера-
 турныхъ занятіяхъ. Прежде чѣмъ Млецеръ
 прибылъ въ Петербургъ, онъ испыталъ труд-
 ный морской путь; это было какое-то зло-
 счастное путешествіе. Такъ какъ не было
 попутнаго вѣтра то ему приходилось в
 немъ 7 разъ возвращаться назадъ. Наконецъ,
 онъ прибылъ въ Петербургъ и явился къ Мил-
 леру. Довольно любопытны свидѣнія, сообщен-
 ныя имъ о первыхъ впечатлѣніяхъ у Милле-
 ра: „Первое вступленіе мое въ домъ Миллера,
 говоритъ Млецеръ, незадолго до обѣда было
 мнѣ приятно. Это былъ большой, обширный

кирпичный домъ на берегу Невы, въ 13^{ей} линіи
 Васильевскаго острова. Здѣсь все давало знать
 или не о роскоши, то о счастливомъ благо-
 сестіи. Миллеръ держалъ хорошій нѣмецкій
 столъ, пилъ даже Экипажъ. Какъ профес-
 соръ исторіографъ и секретарь своей Акаде-
 міи, онъ получалъ 1700 руб. въ годъ и, однако,
 не пилъ доловъ, что тогда, до появленія
 бумажныхъ денегъ, было рѣдкостью въ это
 классъ людей въ Петербургѣ." Явившись въ
 домъ Миллера, онъ засталъ тамъ цѣлую нѣ-
 мецкую колонію; у него было много нѣмцевъ
 иностранцевъ. Они были свободной доступъ
 къ нему и вотъ, какъ описываетъ Миллеръ
 свое положеніе въ домъ Миллера: "Въ на-
 шемъ домѣ говорили постоянно на 4^{хъ} языкахъ:
 на нѣмецкомъ, русскомъ, финскомъ и швед-
 скомъ. Крѣпостной 14-лѣтній мальчикъ говорилъ
 свободно и правильно на первыхъ 3^{хъ}, не смѣши-
 вая ихъ. Въ этому присоединялся часто пятый
 французскій, такъ какъ изъ толпы иностран-
 цевъ, прибывшихъ въ Петербургъ изъ разныхъ ча-
 стей Европы, не было ни одного, кто бы не по-
 стыжился знаменитаго Миллера. Не упоминая
 о многихъ иностранныхъ посланникахъ, кото-
 рые пользовались назидательнымъ знакомъ —
 ствомъ съ этими людьми. Со всѣми ими
 разговаривать языкомъ былъ обыкновенно фран-
 цузскій." Отношенія къ Миллеру на первыхъ
 порахъ установились очень дружественныя:

"Миллеръ — и это очень естественно — на цѣ-
 лыхъ тридцать лѣтъ оставалъ этотъ нѣмецъ —

ной литературы. Вѣроятно онъ до 1725 года приобрѣлъ хорошия основанія, особенно въ классической литературѣ, у своего отца, ректора въ Гергардѣ. Пребываніе его въ Петербургѣ съ 1725 года, а еще болѣе десятилѣтніе разбѣды по Сибирѣ (съ 1733-1743) на протяженіи 4480 нѣ-
меческихъ миль - стерли все до чиста. Въ немъ сохранилось только глубокое уваженіе ко все-
му, что называлось литературой. Можеетъ быть онъ долгие вѣсны не находилъ чело-
вѣка, съ которымъ могъ бы повторить объ этомъ и который былъ бы въ состояніи пополнить
пробѣлы; я же вышелъ изъ одного изъ главныхъ
источниковъ, Гёттингена - вотъ первая при-
чина его презрѣнаго - скажутъ-ли мнѣ: распо-
ложенія? - ни да же уваженія ко мнѣ. Къ это-
му присоединялась вторая причина: погружен-
ный въ древнюю русскую исторію, тѣсно связан-
ную съ сѣверно-скандинавскою, онъ давалъ
последней болѣе значеніе; но не зналъ по швед-
ски и былъ мало знакомъ съ шведскою литера-
турой, которая именно въ то вѣсн, особен-
но въ области исторіи, благодаря трудамъ
Уре, Стіернмана, Бринга была поднята на
блестящую высоту. И тутъ онъ былъ
мнѣ радъ, и тутъ, къ величайшему его восхи-
щенію, я могъ сообщить ему самыя живыя но-
восты. И еще третья причина: въ послед-
ніе три мѣсяца въ Гёттингенѣ съ усилен-
нымъ прилежаніемъ готовился я къ путе-
шествію въ Россію и узналъ почти все главное,
что объ этомъ государствѣ можно было тогда
узнать изъ его предѣловъ. И такъ я зналъ

то, чего я не зналъ, и улыбая спрашивать, чѣмъ давалъ Миллеру поводъ извивать во всехъ нашихъ разговорахъ свое неисчерпаемое богатство свѣдѣній о Россіи; онъ этому радовался, а я удивлялась."

Первымъ дѣломъ Млецера по прибытіи къ Миллеру было изученіе русскаго языка; интересны тѣ пособия, которыми пользовался Млецеръ; съ одной стороны пособиями были книги, съ другой — живыя лица. Млецеръ сообщаетъ объ этомъ любопытный свѣдѣніи; онъ читалъ описаніе Кошлатки Крашенинникова; при этомъ чтеніи живымъ лицомъ былъ Миллеръ и его жена. Когда оказывалось, что онъ не зналъ какой нибудь родъ, то жена Миллера шла на базаръ и покупала тамъ для образнаго разъясненія Млецеру эту родъ. Кроме того Млецеръ воспользовался словаремъ Кондратовича и ему чрезвычайно помогла, принятая имъ система изученія. Онъ былъ филологъ и изучалъ языки научнымъ образомъ по корнямъ. Онъ знакомился съ главными корнями, а затѣмъ путемъ суффиксовъ и приставокъ образовывалъ массу другихъ словъ. Такимъ образомъ онъ изучилъ и славянскій и славяно-славянский и друг. языки. Вслѣдъ затѣмъ, два мѣсяца спустя, онъ перевелъ первое указъ на нѣмцкій языкъ и этимъ привнесъ въ изученіе членовъ Академіи. Сдѣлавши такой большой успѣхъ въ изученіи русскаго языка, Млецеръ думалъ сдѣлать полезнымъ въ ученыхъ работахъ Миллера, кѣмъ въ это время издавался *Sammlung Russische Geschichte*. Здѣсь Млецеръ хотѣлъ оказать содѣйствіе Миллеру; онъ съ восторгомъ смотрѣлъ на собранную рукопись: „Главнымъ предметомъ нашихъ первыхъ разговоровъ была географія и

статистика Россіи. Сводный этого чеповка и
огромное собраніе до сих поръ не тронутыхъ рукопи-
сей, касающихся всевозможныхъ отдѣловъ дѣлъ
наукъ, приведитъ меня въ истинное удивленіе.
Часто, когда за чаемъ мы за столомъ шель раз-
говоръ о Бухарин, о любви болузи, объ Амурсь, о
портномъ промыслѣ - онъ велъ меня на верхъ въ
свой кабинетъ, вытаскивалъ одно за другимъ те-
радъ, свитокъ, квартантъ - все еще въ видѣ ру-
кописей, стгасји русскихъ, стгасји нѣмецкихъ
и давалъ ихъ мнѣ переписывать. „Путь ра-
бота для васъ, для меня и для десятирѣхъ дру-
гихъ на всю жизнь“, сказалъ онъ мнѣ однажды,
указывая на цѣлую стѣну, забитую таки-
ми сокровищами. Я горѣлъ желаніемъ при-
нѣсть за дѣло: каждый мѣсяцъ я могъ бы при-
готовить къ печати полъ-алфавита важныхъ
сводныхъ, которыхъ все были бы новы, потому что
тогда еще удивительно мало было извѣстно о
географіи и статистикѣ Россіи. „Итакъ, я,
благословенный мой, могъ только переписывать
и изумляться. Когда я въ восхищеніи дѣлалъ
видъ, что сделаю унести рукописи къ себѣ въ
комнату, онъ нѣжно вынималъ ее изъ моихъ рукъ,
ложилъ на свою лѣсеньку и пряталъ ее въ папку.
Если я просилъ настоятельно, то обыкновенно
говорилось: „Не упрячитесь, еще будетъ время, не
надо спѣшить торопѣсь“. Я же торопилась: -
„А однажды, заставъ меня, когда я читалъ
одну рукопись, полную глубокихъ сводныхъ и важ-
ныхъ матеріаловъ и по привычкѣ вытаскивалъ
книжку на освѣщеніе бумаги, онъ воскликнулъ:
„Боже мой! Видъ вы все переписываете!“ (Только

впоследствии это восклицаніе лишь стало ясно).
 Действительно это перенесеніе пришло изъ
 болѣе безпечной стѣ. Но, однажды, Миллеръ при-
 нѣсь Миллеру первый корректурный листъ лѣто-
 писи, которая издавалась Маубертомъ при Ака-
 деміи Наукъ; Это была Раздѣлновскій списокъ
 древней лѣтописи. Миллеръ открылъ въ ней зна-
 чительныя ошибки, которыя произошли отъ неб-
 режности переписчика и указавъ это Миллеру:
 „Но какъ я удивился, когда уже на первыхъ стра-
 ницахъ этихъ листовъ наткнулся на совершен-
 ной безсмыслицы. Смотрѣлъ, какъ многія лѣ-
 тописи въ Европѣ, начинались съ петля и пе-
 реисчисленія странъ древняго міра по тому, какъ
 Ной раздѣлилъ ихъ между своими сыновьями.
 Я тогда же почувалъ, что все это лѣто
 переписано изъ византийцевъ; но прежде, чѣмъ я
 успѣлъ найти это лѣто у нихъ, меня поразили
 нѣкоторые грубѣйшіе искаженія названій
 странъ, напр.: Ватръ вмѣсто Бактрія, Фив-
 дий вм. Фивы, Ливія. Я поспѣшилъ со своимъ
 открытіемъ къ Миллеру. О, какъ онъ торже-
 ствовалъ! Тутъ онъ въ первый разъ высказа-
 алъ предо мною, что онъ былъ не въ ладахъ съ
 своимъ товарищемъ (и начальникомъ) Маубертомъ.
 Онъ говорилъ, что „положительно требовали
 нѣсколькихъ списковъ, чтобы излѣчить
 грубѣйшіе ошибки невѣжественныхъ пере-
 писчиковъ; при томъ настоятельно убѣждалъ
 не подновлять орфографіи и т. д., но его не
 послушали.“ Такимъ образомъ Миллеръ, нахо-
 дясь во враждѣ съ Маубертомъ, написалъ свои
 примѣчанія къ его изданію. Но Миллеръ до

сильно порывъ былъ домашнимъ учителемъ у Миллера; Этою должностію онъ тяготился; - онъ хотѣлъ чего-то большаго и прежде всего мѣста адъюнкта при Академіи. Между тѣмъ Миллеръ хотѣлъ его сдѣлать адъюнктомъ при себѣ, но Милцеръ, зная враждебныя отношенія Пляуберта и Миллера, воспользовавшись этимъ и Пляубертъ рѣшилъ сказать сдѣйствію Милцеру, который получилъ мѣсто адъюнкта при Академіи въ 360 руб. въ годъ. Онъ долженъ былъ работать надъ лекціями, а вѣдѣть съ тѣмъ переводить разные указы. Кроме этого онъ занималъ мѣсто преподавателя при Институтѣ Разумовскаго; дѣло въ томъ, что президентъ Академіи Наукъ Разумовскій устроилъ институтъ для своихъ дѣтей и для дѣтей другихъ лицъ. Институтъ находился подъ дирекціей не въ жесовеннаго француза, а Милцеръ занималъ мѣсто преподавателя сначала нѣмецкаго языка, затѣмъ латинскаго, а еще время преподавалъ статистику. Интересны свѣдѣнія, сообщаемыя Милцеромъ о томъ, какъ ему пришла мысль о статистикѣ. - "Однажды я смѣлился сказать Пляуберту, что въ учебномъ планѣ нашихъ молодыхъ людей забыта географія, и что даже еще болѣе важная наука, вѣдѣнію соответствующая назначенію нашихъ воспитанниковъ, а именно отъизновѣдѣніе. Подъ послѣднимъ я разумѣлъ статистику, но не смѣлился выговорить этого совершенно незнакомаго слова, котораго не проносилъ еще языкъ ни одного русскаго. Этого человѣка, не смотря на свои годы, еще сохранявшій воспримчивость къ новымъ идеямъ, если

только они были очевидно справедливы и полезны, немедленно приняв мое предложение и просил, чтобы я сам испытать его на деле. Мои первые уроки были: „какъ вышка Россія въ сравненіи съ Германіей и Голландіей?“ „Что такое Юстицъ-коллегія?“ „Что покупаетъ и продаетъ русскій?“ „Откуда получаетъ онъ золото и серебро?“ Никогда я не забуду, съ какими наслажденіями Маубертъ слушалъ однажды такой урокъ! За столомъ онъ продолжалъ разговоръ о тѣхъ же предметахъ, экзаменовалъ учениковъ и наставлялъ меня. Кончилось тѣмъ, что кромѣ 6 уроковъ латинскаго языка я долженъ былъ еженедѣльно давать 5 уроковъ статистики и получать за нихъ 100 руб. въ годъ. Дѣло въ томъ, что прежде для своихъ занятій статистикой Млецеръ получалъ свидѣнія изъ заграницы, а теперь Маубертъ самъ доставлялъ ему эти свидѣнія и Млецеръ переводилъ ихъ и отправлялъ за границу. Его занятія статистикой привело къ полезному дѣлу. Млецеръ сообщилъ мысль объ устройствѣ статистическаго Бюро. Эта мысль понравилась Мауберту и стали собирать статистическія данныя. Черезъ нѣкоторое время Млецеръ не удовлетворившій своимъ положеніемъ (ему подходило 30^ѣ годъ) и вотъ онъ рѣшилъ занять мѣсто профессора при Академіи Наукъ, а для этого онъ предложилъ планъ обработки и занятій русской исторіей. Этотъ планъ изображаетъ нашъ Млецера, какъ неформала и критика. Млецеръ предложилъ следующую обработку русской исторіи: „Я думаю, — русская исторія должна идти 3^{ми} путями,

поэтому обработку русской истории я даю на 3 различные класса работъ, изъ коихъ первые два составляютъ только приуготовленіе и средство къ третьему, заключающему въ себя конечную цѣль.

- I. Studium monumentorum domesticorum,
- II. Studium monumentorum extrariorum,
- III. Usus utrorumque ad corpus historiae Russicae conficiendum.

I. Studium monumentorum domesticorum.

Здесь этимъ monumentis domesticis я разумею преимущественно хроники, множеству, по подробностямъ и хронологическою точности которыхъ русская исторія можетъ гордиться. Эти хроники требуютъ также троякой работы: 1) критической - нужно читать хроники; 2) грамматической - нужно ихъ понимать; 3) исторической - ихъ нужно сравнить.

I, Studium apparatus criticum - критическая работа.

A) Нужно читать хроники. Я полагаю, что большая часть изъ нихъ, по крайней мѣрѣ важнѣйшія, находящаяся въ императорской библіотекѣ; съ тѣхъ же, которыхъ разбросано по монастырямъ, возможно будетъ въ нѣсколькихъ снять копии, если только къ тому будутъ приняты мѣры. А тѣ, которыхъ находятъ въ частныхъ рукахъ, пусть попечительство приведеѣ въ извѣстность. Въ сущности все эти хроники по многимъ основательнымъ причинамъ слѣдовало бы напечатать. Въ болѣе части государствъ существуютъ большіе ихъ собрания; но такъ какъ этого небыло ожидать въ скорѣе время, то пока нужно удовлетво-

ратся вдвѣмъ рукотислм. Только слѣдовало бы
 всю эту рукотислм точно описать, пронумеровать,
 им означитъ нѣмъ какимъ нибудь определеннымъ
 способомъ, чтобы впредь при цитатахъ можно
 было ссылаться на нихъ безъ опасенія перепи-
 сать одну съ другою. Этотъ трудъ мало по ма-
 лу собравъ бы материалы для статьи: *de fon-
 ctibus historiae Russicae*.

В.) Но если я не знаю, которое отдѣльное пред-
 ложеніе, которое отдѣльное слово принадлежитъ
 напр. Нестору, а не его переписчику, когда у ме-
 ня, нѣтъ самого Нестора, то здѣсь начинается
 большая работа, которую я называю "studii-
 um apparatus criticum"; она состоитъ въ томъ,
 чтобы сравнить хроники между собою, замѣтивъ
 въ различныхъ спискахъ варианты, пропуски, встав-
 ки и точно ихъ обозначить. Для этой цѣли я бы
 просилъ себя копию съ каждой хроники съ ши-
 рокими полями, имъ предложенную чистыми
 листами, чтобы мало по малу вносить туда
 варианты изъ всехъ другихъ списковъ, какіе пона-
 дуются мнѣ въ руки, съ точнымъ указаніемъ
 рукотислм, изъ которой они взяты. Въ послѣдствіи
 этотъ экземпляръ постоянно оставался бы въ
 библиотекѣ и доставлялъ бы значительную поль-
 зу будущимъ изсѣдователямъ русской исторіи.
 Только эту работу нужно бы было исполнять
 медленно, потому что она, вслѣдствіе того, что
 вниманіе обращается на безчисленные мелочи,
 притупляетъ и глаза и умъ. Это именно та
 работа надъ хрониками, которая требуетъ
 самую большую труда, которая драго-
 цѣннѣе всего для знатока, а у французовъ - са-
 ма исторіографія. 2 часть.

мая презрѣнная. Грюнова называли педантомъ, потому что онъ тщательно и добросовѣстно записывалъ, когда въ одномъ спискѣ онъ находилъ еѣ, а въ другомъ алфавитъ.

Но безъ педантизма Голландскаго филолога Монжескѣ не могъ бы написать своего безсмертнаго сочиненія о причинахъ величій и паденій римлянъ, и безъ Давида Милля англійскіе деисты не одержали бы победы надъ религіей. Бываютъ случаи, когда очевидно обнаруживается не только польза, но и необходимость этихъ, такъ называемыхъ, пустяковъ. Я нахожу, напр., въ запискахъ Ярослава (X) слово колбасъ; я изслѣдую его значеніе, находясь въ догадкахъ и, наконецъ, нахожу, что это слово не Ярослава, а его небрежнаго переписчика, а во другихъ спискахъ нахожу другое, понятное слово. Отсутствіе критики сопряжено со многожакою же шуткою, какъ золотой зубъ съ докторомъ и я даю обещаніе не принимать за объясненіе такихъ хроникъ, въ достовѣрности и правдивости чтеній которыхъ я не буду убоженъ гарантіе. При этомъ я напоминаю, что въ этой работѣ, сравненію Хроникъ, иностранецъ въ известномъ отношеніи способнѣе туземца. Не доверяя своему знанію языка, онъ будетъ болѣе снисходителенъ, чѣмъ разсудкаго и менѣе будетъ расположенъ къ поправкамъ, основаннымъ на остроумныхъ предположеніяхъ.

2) Studium apparatus grammaticorum — грамматическая работа. За первую работу следуетъ вторая: нужно понимать хроники. Знать по русски и понимать хроники — разныя вещи. Первое предполагается, но еще далеко не

достаточно. Можно быть природным, да еще ученым нѣмцемъ и не понимать Willegant: не относитъ ли это также и къ русскому? Знаниѣ древняго языка страны - особенное *studium*. Это дело учености, плодъ изыскаваній. Иностранецъ, который никакъ не можетъ надѣяться овладѣть живымъ языкомъ, какъ туземецъ, сибѣ можетъ стать *caeteris paribus*, на ряду съ туземцемъ, когда рѣчь идетъ о древнемъ языкѣ.

Важнѣе великій человекъ, природный нѣмецъ; знающій по древне-нѣмецки; но публика говоритъ, что Ире, шведъ знаетъ еще лучше. Средствами для пониманія древнихъ языковъ въ другихъ странахъ служатъ глоссаріи. Но для пониманія славянскаго языка еще нѣтъ глоссаріи. Нужно стараться другими средствами дойти до пониманія русскихъ хроникъ и употребленій именно этихъ средствъ можетъ мало по малу положитъ основаніе славянскому глоссарію. Средства эти слѣд.:

А) Устные распросы. Прежде знаніе и содѣйствіе 2. нагв. сов. Толмачки были мнѣ весьма полезны; въ цѣль себя надеждою на такое же благосклонное содѣйствіе со стороны тѣхъ членовъ Академіи, для которыхъ русскій языкъ есть языкъ природный и особенно 2. Ломоносова.

В) Чтеніе славянской библіи. Такъ какъ она буквально переведена съ ЛХХ толковниковъ, то для тѣхъ, кто въ состояніи сравнивать ее съ оригиналомъ, можетъ служить богатѣйшій и надежный лексиконъ. Кроме того зна-
комство съ славянскою библіею приносить двоякую пользу.

а) Сочинители хроникъ были монахи, примене-

но читающие Библию. Ея словъ образованъ изъ историческiй словъ: выраженiя, обороты и все ихъ способъ разсказа очевидно библейскiй; следовательно, знающii славянскую Библию найдетъ меньше трудностей при чтенii Хроникъ; точно также, какъ арабскiе историки и поэты гораздо доступнѣе для тѣхъ, кто свободно читаетъ Коранъ.

В) Славянскiй переводъ Библии открываетъ еще не початый источникъ для собранiя вариантовъ Библии. Превосходная важность этой работы извѣстна знатокамъ библейской филологii.

С) Изслѣдованiя славян. нарѣчiй. Извѣстно, что очень часто слова, утративши свое въ одномъ нарѣчiи, остаются въ другомъ. 300 лѣтъ тому назадъ слово види было нѣмецкое, теперь оно шведское, но ни одинъ нѣмецъ его уже не понимаетъ. Какъ много, должно быть, встрѣчается въ Хроникахъ такихъ словъ, которыхъ теперь не понимаютъ ни одинъ русскiй, но которыхъ живутъ въ устахъ крестьянина чеха, поляка, литовца, венда..

3.) Studiump. appaliump. Historisump. — историческая работа. Нужно сравнить Хроники: не различные списки одной и той же Хроники въ отношенiи чтенiя — это было первымъ деломъ, но различные Хроники объ одномъ и томъ же событiи въ отношенiи содержанiя. Часто въ степенныхъ книгахъ находятсѣ обстоятельства, которыхъ напрасно ищемъ у Нестора и его продолжателей и часто Новгородская летопись разсказываетъ о томъ, чего нѣтъ ни у тѣхъ, ни у другихъ. Чтобы сдѣлать эту работу возможно болѣе полезною какъ для себя, такъ и для тѣхъ, кто впоследствии будетъ заниматься русскою исторiею.

тей, я раздѣлю ее на маленькія отдѣлы; для каждаго отдѣла заведу особую книгу и въ каждую книгу буду вносить все то, что найду объ отдѣльной эпохѣ, или объ отдѣльномъ событіи во всѣхъ хроникахъ, или въ другихъ древнихъ книгахъ, какія попадутся мнѣ подъ руку. Само собою разумеется, что источники, изъ коихъ я черпалъ бы эти дополненія, были бы точно обозначены. Это составило бы родъ регистратуры, или генерал-Регистрію для Русской исторіи.

II. Studium monumentorum extraneorum.

Исторія Россіи перемѣщается съ исторіей множества другихъ народовъ. Войны, дружественныя договоры и родственныя отношенія связали ее не только съ соседями, но и съ далекими Бриттаніи и Французамъ. Здѣсь открывається широкое поле, на которомъ обширная историческая ученость можетъ явиться во всемъ своемъ величіи. Собрать все свѣдѣнія, родственныя у иностранныхъ историковъ и не только тамъ, гдѣ ихъ меньше всего ищутъ; разрывшійся противорѣчій и *judicio discreto historico*, точно опредѣлить случаи, гдѣ туземный историческій заслуживаетъ болѣе вѣрности, нежели иностранный и наоборотъ — было бы довольно труднымъ, но для полноты русской исторіи необходимыми.

III. Usus utroque ad Corpus historiae Russicae conficiendum.

Ясно, что 1) какъ я уже выше упоминалъ, пока все эти работы не будутъ исполнены надлежащимъ образомъ, нечего и думать о системѣ русской исторіи, которая могла бы со-

перннматъ съ исторіей другихъ государствъ, а
 свидѣательно достойна чести народа и Академіи;
 2) но когда только эти работы будутъ двѣсѣ-
 тельно исполнены, то составленіе такой систе-
 мы естественнымъ образомъ значительно облег-
 чится, если 3) составитель будетъ обладать
 качествами, необходимыми не только для того,
 чтобы собрать матеріалы, но и воспользоваться
 ими согласно съ указанною конечною цѣлью. Въ
 такихъ чертахъ Милецеръ составилъ себѣ планъ
 обработки и занятій русской исторіей. Но
 вѣдѣность съ этимъ Милецеръ предложилъ и другой
 проектъ — это планъ изданія популярнахъ книгъ,
 въ которыхъ русское общество нуждается. Одинъ
 экземпляръ такихъ книгъ былъ доставленъ въ
 Академію, но встрѣтивъ страшное сопротив-
 леніе въ членахъ Академіи — Ломоносовъ, Миллеръ
 и друг. Ломоносовъ выразилъ въ этомъ такъ:
 „Свидѣтельства иностранныхъ профессоровъ о
 знаніи г. Милецера въ русской древности по-
 читать должно недовѣрчивыми, зная, что
 они сами оныхъ не знаютъ. Ипотечъ до меня на-
 лежить, то оному Милецеру много надобно учив-
 ся, пока можетъ быть профессоромъ Россій-
 ской исторіи. Сверхъ того и нѣтъ ему при
 Академіи нѣтъ перожкаго. Г-нъ Миллеръ и
 Филлеръ суть профессора исторіи. А уже и сами
 сочиняю Россійскую и уже въ печати. И такъ
 упомянутой Милецеръ профессоромъ Россій-
 ской исторіи быть не можетъ и нѣтъ мѣста.“
 Но это еще ничто въ сравненіи съ другими болѣе
 рѣзкими мнѣніями Ломоносова: „сколько лучше
 наколобродитъ допущенная въ Россіи елииздрев-

постыли сидь скотина?"

Что касается до Миллера, то отзывъ этого послѣдняго отъицаетъ большую обстоятельностью и дипломатичностью: Миллеръ упирается на то, что Шлецеръ могъ бы быть полезнымъ, если бы онъ посвятилъ себя всецѣло русской исторіи, но, я сомнѣваюсь, что онъ будетъ жить постоянно въ Россіи и полагаю, что онъ можетъ скоро убраться за границу." Это заявленіе дѣйствительно поставило Шлецера въ неловкое положеніе; когда онъ захотѣлъ убраться въ Германію, то Сенатъ, по донесенію Ломоносова, не выдавалъ ему отъпускнаго паспорта; онъ безпрестанно болбандовалъ правительству просьбами, но послѣднія оставались безъ послѣдствій; даже покровительство Мауферта ничего не могло сдѣлать и только случай спасъ Шлецера: нѣкто Козловъ рѣшившійся передать императрицѣ записку Шлецера и немного спустя получилъ распоряженіе о выдачѣ отъпускнаго паспорта, но при этомъ было предложено условіе, чтобы онъ остался ординарнымъ членомъ Академіи Наукъ. Вотъ этотъ подлинный контрактъ:

- 1) По имманному указу Ея импер. величества, бывшій предъ симъ адъюнктъ Ав. Акад. Шлецеръ опредѣляется при Акад. Наукъ профессоромъ ординарнымъ исторіи и членомъ академическаго собранія, съ жалованьемъ въ годъ по 860 рублей, включая въ то же квартиру, дрова и свечи.
- 2) Какъ скоро Академія снабжена будетъ новыми регламентомъ, то ему пользоваться всеми выгодами, какія въ ономъ опредѣлены будутъ академическимъ ординарнымъ.

- 3) Главное его упражненіе имѣетъ состоятъ въ древней Россійской исторіи и во всякихъ до объясненія оной касающихся сочиненіяхъ; а для сего дѣла не только не возбраняется ему употребленіе всю, находящуюся въ императорской библіотекѣ и при Академіи, книги, манускрипты и прочія къ древней исторіи принадлежащія извѣстія, но и дозволяется требовать чрезъ Академію всего того, что къ болѣшему совершенству поручаемаго ему дѣла служить можетъ.
- 6) Сей контрактъ заключается на пять лѣтъ; а по прошествіи оныхъ вольному, Шлецеру, либо даѣше продолжать службу свою, или возвращатися въ свое отечество безъ всякаго препятствія и задержанія.
- 7) Для поправленія его здоровья и для свиданія съ фамиліею дозволяется ему наступающаго весною на три мѣсяца ѣхать въ Германию; а дабы онъ на предписанной срокъ возвратился, взять съ него по обыкновенію реверсѣ и снайдти его такими отъ Академіи комиссіями, которыми бы онъ, производимый ему на то время окладованіе, заслужить могъ. Такимъ образомъ Шлецеръ получилъ отпускъ за границу, куда онъ уѣхавъ съ порученіемъ осматрѣть дома умалишенныхъ. Вскорѣ онъ опять возвратился въ Петербургъ и предположилъ нѣкотораго изданія; такъ онъ вынулъ въ печать Русскую Правду, исполнивъ этотъ трудъ совмѣстно съ Башиловымъ. Кроме этого онъ издалъ Никоновскую летопись съ собственнымъ предисловіемъ, а затѣмъ онъ уѣхавъ изъ Россіи и получивъ отъ него про-

профессора въ Геттингенскомъ университетѣ; здѣсь
онъ окупился въ своей сферѣ; — занимался преподава-
тельствомъ дѣятельностью и издавалъ цѣлый
рядъ сочиненій. Увлекался публицистикой, былъ
выдающимся по своему времени челоукомъ и поль-
зовался громаднымъ вліаніемъ на современное об-
щество. Не буду останавливаться на тѣхъ изда-
ніяхъ, который касаются Европы; скажу только
о тѣхъ, который имѣютъ значеніе для русской
исторіи. Сюда относятся: 1) "Рече чиззі —
scher Annalen"; 2) "Всеобщая исторія сѣвера"; и
3) трудъ 32-лѣтнихъ усилій — знаменитый
"Несторъ."

Напечатанный трудъ Млещера, на кото-
ромъ основана его ученая слава, нѣужно призна-
вать "Нестора", который изданъ за границей въ 1802
году и который является результатомъ 32-
лѣтнихъ занятій русской исторіей. Онъ былъ на-
писанъ на нѣмецкомъ языкѣ, переведенъ на рус-
скій г. Языковыиъ и изданъ въ 3^{хъ} частяхъ. Со-
ставленіе этого труда и его содержаніе заслу-
живаютъ полнаго нашего вниманія, ибо онъ яв-
ляется настольною книгой для всякаго, зани-
мающагося русской исторіей. Трудъ этотъ
состоитъ изъ "Предувѣдомленія", "Введенія въ
русскую исторію вообще" и "Русскаго вре-
менника" на древнеславянскомъ языкѣ съ пе-
реводомъ на русскій яз. и комментаріями.
Но влѣсть съ тѣмъ эта работа цѣлкомъ
не охватываетъ древняго періода русской исторіи.
Содержаніе предувѣдомленія таково: прежде
всего Млещеръ указываетъ на лѣтописные спи-

ски, которыми онъ пользовался: было 12 печатныхъ и 9 рукописныхъ; но изъ вышеизложеннаго изъяснения оказывается впрочемъ, что ихъ было не 21, а 15, а еще несколько книгъ страницами даные и самъ Шлецеръ признавая, что онъ пользовался всего 13-ю списками, частью печатными, частью же рукописными. Планъ своей работы Шлецеръ изображаетъ такимъ образомъ: „Первое, труднѣйшее, но нужнѣйшее мое дѣло состояло въ томъ, что ^{сбл}сличить все сіи списки и мѣста, находящіеся во всехъ, или во многихъ изъ вышеизложенныхъ печатныхъ и рукописныхъ сочиненій, сравнить слово въ слово, буква въ букву. Я для этой цѣли раздѣлилъ текстъ на большіе и малые сегменты; мои списки такъ были мѣлководны, что я знаю, которые изъ нихъ находили или очень сличались одинъ отъ другого.“ Планъ же изложенія работы таковъ: представляется весь текстъ Нестора; главная часть состоитъ изъ кореннаго славянскаго текста; Это и есть очищенный Несторъ, исправленный имъ самимъ на основаніи сличенія. За этимъ кореннымъ очищеннымъ Несторомъ слѣдуетъ переводъ его на русскій языкъ, а за нимъ его примѣчанія и комментарии. Текстъ, слѣдовательно, „раздѣляется на 3 части: 1) Славянскій коренной текстъ, 2) переводъ оного 3) примѣчанія, или объясненія, гдѣ приводятся причины, почему я нѣкогда мѣста читалъ и переводилъ такъ, а не иначе и гдѣ объясняю, толкую и исправляю мѣстописателя.“ Таково изложеніе и общій характеръ содержанія его труда. Для этого онъ долженъ былъ представить очищенный Несторъ и очищенный посредствомъ ма-лой и высшей критики: „Я окончилъ манускрип-

стиху, или сличеніи, описанное на страницѣ IX; иль предъ глазами мѣста изъ 10 и больше рукописей; часто случалось, что одно слово написано было въ 10 стихахъ десятью различными образами; въ такомъ его не доставало; иль въ длинный мѣста бытъ только въ немногихъ и пр.: здѣсь начиналась настоящая критика. Изъ 10 чтеній надобно было избрать одно настоящее, или отгадать, ежели избирать было не возможно; надобно было вставить вынужденная мѣста; отъ Несторовыхъ словъ отдѣлывъ желкованія, разсужденія и постороннія вставки. Это въ какихъ образахъ произошли мой славяно-скій коренной текстъ, въ которомъ однако еще (по крайней мѣрѣ такъ мнѣ хотѣлось) нѣтъ ни одной буквы, которой бы не было по меньшей мѣрѣ въ одномъ изъ моихъ стиховъ... По собственному моему расположению хотѣлось мнѣ издать описаніе Нестора, а не своднаго, что теперь было бы еще безполезно для нерусскаго читателя. Я не замѣлялъ простыхъ орфографическихъ разнословій; явные и слишкомъ глупыя ошибки вносилъ я иногда въ замѣчанія, дабы показать, каковы были переписчики, но важныя и сомнительныя разнословія описывалъ я подробно и главныя мѣста часто приводилъ слово въ слово изъ многихъ стиховъ". Главною цѣлью работы Меллера являлось очищеніе русской исторіи отъ басенъ: въ описаніяхъ происшествій, бывшихъ при последующихъ государяхъ, а особливо при св. Ольгѣ и Владимѣрѣ Великомъ представляются такіе же вздорныя басни и несообразности, принадлежащія, какъ переписчикамъ, такъ и самому Нестору и который долготѣ ра-зобратъ критика. Первый законъ въ исторіи-

не говорить ничего ложного. Очистить еще мало обработанную историю от басней, ошибок и вздорных мнений — можно по справедливости назвать трудом, заслуживающим уважения, хотя часто и неблагоприятным. Не легко откнаться отъ положений, которые долгое время вообще всели принимались; оскорбляемая, если покажутъ твѣь ватскую, а часто даже сивънную ошибку; сердивъся на того, кто сиветъ противорѣчитьъ всели, кто только что разрушаетъ, вивъсто того, чтобы создавать и кто изъ одной ложко ученой дерзости взводитъ сомнения на доказанныя истины. Но сомнения и легковѣріе суть двѣ крайности, которая подобно всели крайностили нивуда не годятся." Вотъ въ этомъ оіноіменіи Млецеръ могъ быть приписанъ къ числу тѣхъ историковъ критиковъ, первое мѣсто среди которыхъ занимаютъ Нибуръ, Ранке и др. Такого содержания предувѣдомление.

Затѣмъ слѣдуетъ введеніе, гдѣ сообщаются разнаго рода свѣдѣнія, особенно интересныя для иностранныхъ читателей — о Несторѣ и его мѣстоіисѣ, о оіидии первого мѣтописца Нестора, монаха Кіево-Печерскаго монастыря. Свѣдѣнія, сообщаемыя Млецеромъ, отличающаяся точностью и всели любопытны; данныя о оіидии Нестора извлечены изъ самаго оіинения Нестора. Затѣмъ говоривъся о составленіи мѣтописи и опредѣляеіся ея важное значеніе сравнительно съ западно-Европейскими хрониками. Интересно то, что Этотъ представитель западно-Европейской науки ставивъ ее выше всели западно-Европейскихъ хроникъ. Сообщая, что въ Несторовой мѣтописи есть басни, онъ говоритъ: „развъ временники современныхъ

гогико-еврейскихъ монаховъ отличные въ этомъ? Развѣ не разсказываютъ они въ этомъ такіе же чудныя чудеса и пустяковъ? Но этотъ Русскъ въ сравненіи съ позднѣйшими Исихастами и Поклонниками, такъ превосходенъ, какъ разсудокъ, иногда затмѣивающійся въ сравненіи съ безпрестанною глупостію. Можетъ быть также въ послѣдующее время при строгомъ критическомъ слѣженіи списковъ, окажется, что многія чудныя мѣста принадлежатъ не Нестору, а подправщикамъ, жившимъ послѣ его болѣе 400 лѣтъ." Собирая свѣдѣнія о Несторѣ, Млецеръ разсказываетъ о продолжателѣхъ его и первымъ такимъ продолжателемъ признаетъ игумена Выдубецкаго монастыря Симеона. Затѣмъ разсматриваетъ мѣтаны Нестора, какъ источникъ не только для русской исторіи, но для всей славянской исторіи. "Что было бы, говоритъ Млецеръ, если бы не было Нестора? Узнали бы о славянахъ, не зная Нестора? Теперь, говоритъ онъ, сравнимъ безпристрастно русское богатство свѣдѣніемъ всей остальной Верхнеславянской исторіи; Несторову древность съ молодостью скандинавовъ, проихъ Словенъ и Венгровъ; полноту и связь въ русской исторіи съ отрывками другихъ; ея правдивость и важность съ легкомысленными выдумками первыхъ скандинавскихъ, славянскихъ и венгерскихъ временниковъ и всѣхъ ихъ продолженіями до XVI столѣтія! Долгое время Несторъ остается единственнымъ настоящимъ мѣтанистомъ между своими соотечественниками. Современники его тогда ограничиваются только Даніей и славянскими дѣями и своими

временемъ. Несторъ, еще разъ повторяю, на всѣмъ
 этомъ обширномъ поприщѣ, есть одинъ только
 настоящій въ своемъ родѣ полный и справедливый
 мотописатель. Одинъ только Генрихъ Латомъ
 можетъ еще быть поставленъ надъ его, хотя
 описываемый предметъ и не столь обширенъ; но
 Исландецъ Сноррю въ сравненіи съ нимъ едва мо-
 жетъ быть тершимъ, ибо, какъ полуученикъ, не-
 щадно баснословитъ и подробно рассказываетъ
 пустыя мелочи." Затѣмъ сообщаютъ не потеряв-
 шія своего значенія и до настоящаго времени
 свѣдѣнія Млеуера о разнаго рода русскіхъ вре-
 менникахъ; онъ сообщаетъ названія и содержа-
 нія этихъ временниковъ; говоритъ, что оригина-
 лы временниковъ до насъ не дошли; рассказы-
 ваетъ о матеріалахъ, на которыхъ писаны бы-
 ли временники, о форматахъ, о шрифтахъ, объ
 отсутствіи знаковъ препинанія, о надстро-
 ныхъ знакахъ и сокращеніяхъ, объ обозначеніи чи-
 селъ буквами; указываетъ, что въ нѣкоторыхъ спи-
 скахъ мы замѣчаемъ рисунки и фигуры, напр.,
 въ одномъ временникѣ изображается монахъ,
 пишущій мотописомъ. Затѣмъ говоритъ о древ-
 нихъ временахъ, особенно подробно распростра-
 няется о томъ славянскомъ языкѣ, на кото-
 ромъ написаны временники. Въ высшей сте-
 пени интересны сообщенія его, что русскіе
 временники написаны не на пергаментѣ, а на
 родномъ, или почти родномъ для славянъ
 языкѣ; въ этомъ отношеніи онъ отдастъ пре-
 имущество русскимъ временникамъ предъ запад-
 но-Европейскими хрониками, написанными на
 латинскомъ языкѣ: „Невѣдя исчислитъ вре-

да, нанесенного этихъ религии, словесности
и общему просвѣщенію. Образованіе въ народахъ
начинается съ того только времени, когда они
начнутъ писать на собственномъ языкѣ: до-
казательствомъ сему можетъ служить исторія
Италіи, Англіи, Франціи, Германіи и др. Боль-
шая часть другихъ словенскихъ народовъ возшла
на эту ступень образованія только послѣ рефор-
мации; но Руссы, также какъ и другіе словен-
скіе народы, бывшіе въ связи съ разсудительнѣй-
шимъ царградскимъ шахали духовенства,
съ самаго начала стали писать на Словен-
скомъ языкѣ. Вотъ первый и естественный спо-
собъ обрабатывать народный свой языкъ."

Рассказавши о современникахъ, какъ самихъ глав-
ныхъ источникахъ для русской исторіи, Миллеръ
даетъ намъ понятіе о другихъ памятникахъ
русской исторіи и останавливается на сте-
пенныхъ книгахъ, на ихъ характеристикѣ, на
особенностяхъ ихъ изложенія; названы они такъ
потому, что событія здѣсь изображены не
хронологически, а по степени родства; здѣсь
представляется двѣ атеивности одного и того
же поколѣнія и степени. Затѣмъ онъ обраща-
ется къ хронографамъ, даетъ характе-
ристику содержанія и изложенія ихъ, характе-
ризуетъ родословныя и разрядныя книги; ука-
зываетъ на заслуги Миллера и др. лишь въ
дѣлѣ изданія актовъ, на значеніе археологич-
ескихъ, въ видѣ здѣсь критическій трактатъ,
по русской исторіографіи. Послѣ этого Мил-
леръ переходитъ ко второй части исторіогра-
фіи, гдѣ сводитъ за странною судьбою русской

истории; онъ весьма картинно изображаетъ это
блестящее русское историческое, говоря: „Здѣ же храни-
лось тогда это сокровище? Тамъ же, здѣ и те-
перь лежитъ, спустя слишкомъ 400 лѣтъ то же
сего: въ магазинъ, невероятно богатый, но ко-
торый походитъ на такую архиву, въ которую
никогда не заглядывали архивариусы; разсыянно
безъ порядка на пространствѣ, занимающемъ,
можетъ быть, 50000 кв. миль. Тутъ сож-
ли валяются временники (совсѣмъ другаго разбора
отъ китайскихъ), которыхъ фазисъ нѣтъ и описи;
тутъ тысячами лежатъ древнія сочиненія, гра-
моты, монеты, древности, которыхъ никто еще
не считалъ, а и того менѣе описывалъ и изъяс-
нялъ: какое множество припасовъ для Русскаго
пантеона, для Русскаго церковнаго историка,
для собранія филологической, нумизматической, для
множества толковъ писателей Русскаго историка;
припасы славные, но грубые, еще не совсѣмъ вы-
дѣланные, а частью еще и неизвестные.“

Затѣмъ нѣмекій ученый рассказываетъ о
давнѣйшей обработкѣ русской истории, сводя
за скудную нить этой разработки во все про-
долженіе литературнаго періода нашей исто-
рии, при чемъ съ особенною подробностью оста-
навливается на 18 вѣкъ. Вообще же его заклю-
ченіе весьма не утѣшительно; когда онъ под-
ходитъ къ послѣднему десятилѣтію XVIII в.,
то лишь замѣчаетъ легкое въ дѣлѣ крити-
ки и изданія разныхъ памятниковъ; и дѣло
легко заставляетъ его высказать слѣдую-
щую фразу, указывающую на состояніе рус-
ской истории въ 1790-1800 годахъ: „тутъ экс-

профессоръ русской исторіи потерявъ все терпѣ-
ніе, съ которыми онъ лѣтъ десять издавалъ шоу-
роу на этотъ печальный упадокъ и написалъ
эту книгу."

Затѣмъ слѣдуетъ самая книга, состоящая
изъ введенія и главной ея части. Введеніе обо-
зрѣваетъ содержаніе древней русской лѣтопи-
си до начала русскаго государства - до Рюрика;
главная же часть - дѣятельность первыхъ
киевскихъ князей. Планъ, какъ введенія, такъ
и главной части, совершенно одинаковъ: онъ дѣ-
литъ лѣтописи на сегменты и напимаетъ раз-
сматривать по главамъ ихъ содержаніе.

Первая глава - древняя космографія. Прежде
де всего Шлецеръ открываетъ древнѣйшую кос-
мографію: "По потомъ трѣмъ сыновѣ Ноеви
раздѣлиша землю, Симъ, Хаамъ, Афетъ." -
слѣдуетъ славянскій текстъ лѣтописи, а за-
тѣмъ его примѣры и цѣлыя цитаты изъ ви-
зантійскихъ писателей, изъ Синкелла, Пасхали-
са и Кедрина: "Πάβαυ ὁ κορυμνὴν Περσέ-
εσβε Νωε"...; или, напр., по лѣтописи: "И ася
востокъ Симвови: Персида, Ватръ, да же и до
индикія, в долошу....; у, Византійцевъ; 2. при...
Εβακεν ἀπὸ Περσίδος καὶ Βακτρῶν εἰς Ἰνδ-
κῆς διήκος, πλάτος δὲ ἀπὸ Ἰνδίκῆς εἰς....;
такимъ образомъ, указывается полное поже-
дство между нашей лѣтописью и цѣлымъ
ли Византійскихъ писателей. "Затѣмъ, по сѣ-
потопу, говоритъ Шлецеръ, Ной, посовето-
вавшись съ 3-мъ своимъ сыномъ, раздѣ-
ливъ шивъ высохшую отъ воды вселенную!

Эту сказку Бременский епископ Фриластриус поставил въ число ченовъ вѣры и кто ей не вѣривъ, тотъ объявленъ однимъ изъ его 150 еретиковъ. Следуетъ разборъ этой сказки. Такъ онъ заканчиваетъ первую главу о древней космографіи. Затѣмъ переходитъ ко второй, гдѣ заключается описаніе земель и народовъ, населяющихъ Европу въ XI ст. Приводится текстъ летописи: „До Паньтскаго моря на полуостровъ страны, Аунай, Анвестръ и Кавказкія горы, рѣкше Угорьскія...“, а за сими идутъ краткія указанія на необыкновенную наглость Нестора во многихъ византійскихъ авторяхъ. Кроме того Млецеръ отдаетъ преимущество Нестору предъ другими авторами, особенно древне-классическими, въ знаніи восточной половины Европы. Третья глава трактуетъ о вавилонскомъ столпотвореніи, гдѣ также Млецеръ представляетъ текстъ переводъ и свои замѣтки. Затѣмъ идетъ глава о переселеніи славянъ въ русскую землю; здѣсь онъ сообщаетъ о путяхъ. Содержаніе главной части отличается такими же характеристиками, какъ и введеніе; здѣсь онъ рассматриваетъ критически о дѣяніяхъ первыхъ русскихъ князей по летописи, излагаетъ летописное преданіе и приурочиваетъ ихъ къ дѣятельности тѣхъ, или другихъ князей. И въ настоящее время „Несторъ“ Млецера не потерялъ своего значенія, хотя теперь едва ли могутъ быть приняты много выводовъ Млецера; даже его основная мысль объ очищенномъ Несторѣ; для этого нужно было воспользоваться большимъ числомъ списковъ, изучить ихъ болѣе внимательно. Необходимо было обратить вниманіе на относительную

равности их; между тѣмъ у Шлецера рядомъ фигурируютъ и Никоновскій, и Лаврентьевскій и саранскій списки.

Но, не смотря на не вполне удовлетворительно выполненную задачу, все таки эта книга долже-на остаться монументальнымъ памятникомъ въ разработкѣ русской мѣтодики и русской исторіи. Неудивительно поэтому, что прежде она имѣла такое громадное вліяніе; она зароди-ла критицизмъ и скептицизмъ и въ послѣдую-щую поколѣніи русскихъ историковъ. Интере-сно при этомъ, что Шлецера своимъ стилемъ и редакционными признаками не только на-ши скептики - Каченовскій и др., но вѣдѣтели съ-тѣмъ и ихъ противники. Погодинъ, напр., пи-салъ свои сочиненія предъ портретомъ Шле-цера, а онъ бывъ между тѣмъ яркимъ противни-комъ скептиковъ, называвъ ихъ воеводами, набо-тани". Сдѣлавъ будетъ справедливо до такой степени уменьшать заслуги Шлецера, какъ это дѣлаетъ Кошловъ въ своей „исторіи русска-го самосознанія“, говоря, что Шлецеръ лучше не сдѣлалъ, если бы совѣтъ не писалъ. „Несто-ра“ потому что онъ этимъ принесъ больше вре-да, чѣмъ пользы.

§ 8. Н. М. Карамзинъ.

Библиографія:

Каченовскій. Критическія статьи объ „исторіи Карамзина“ Вѣстникъ Европы 1819.

Соловьевъ. Мѣсть статей Карамзина (Оте-чественныя Записки 1853 - 1856).

Старчевскій. Жизнь Карамзина (Спб. 1849).